

Ольга Вечная

ПРИСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

современный любовный роман

Ольга Вечная

Пристойное поведение

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67729658

Аннотация

В моей жизни не так много правил, но одно – железобетонное: никогда, ни при каких обстоятельствах не влюбляться в женатиков. И я свято ему следовала, пока в доме напротив не поселился Егор Озерский.

Он идеально мне подходит и утверждает, что в его случае необходимо сделать исключение...

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	48
Глава 3	65
Глава 4	88
Глава 5	108
Глава 6	120
Глава 7	132
Часть II	142
Глава 8	142
Глава 9	164
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Ольга Вечная

Пристойное поведение

Все события, герои и названия вымышлены. Любое совпадение с реальностью случайно

Пролог

No name

Привет, блог.

Давайте будем честными и признаем, что в двадцать первом веке никто не ведет личных дневников. Не хранит блокноты с более-менее честными мыслями в потаенном местечке под специально оторванным линолеумом в углу комнаты, и уж точно не перевязывает их длинным волосом сестры, матери или любовницы.

Какой смысл писать хотя бы что-то, если никто этого не увидит? Какой вообще смысл писать?

Да даже и не хочется.

Так что... ну, привет, блог.

О чем будут мои тексты? Неважно совершенно. А знаете, что важно? Не глубокие мысли, не интересная подача или внезапные подводные камни, которые – бабах! – и перевернут ваши взгляды на привычные вещи. Не-а. Как писателю и внуку филолога мне горестно это признавать, но читателю, в общем-то, плевать даже на стилистику. В двадцать первом веке значение имеют только сиськи. Лгу. В любом веке всегда значение имели они самые, только подача была иной. И если вы думаете, что после выпитого я все еще в состоянии считать, то давайте попробуем... ладно, передо мной прямо сейчас их восемь штук. Для начала неплохо, как вам кажет-

ся?

Звучит диджейский сет, заглушающий стоны и всхлипы, запахи настолько густые – ножом можно резать и на тост мазать. Гребаная оргия. Будет что вспомнить на старости лет.

...Было бы, не проспи я ее. А на трезвую голову вливаться в середину процесса что-то не хочется. Снова оглядываю потные женские тела и что-то там еще на заднем плане. Э, нет, пас. Бьюсь об заклад, я первый человек, который проспал половину своей первой оргии, а во второй половине начал вести блог.

Впрочем, согласен, дурацкая идея. Мать посылает меня к психологу, но зачем он нахрен нужен, когда существует интернет. Тут что психов, что психологов намного больше. И восемь отличных сисек, которые за четыре абзаца я упомянул четыре раза, тянут на недурной старт, ага?

Мне практически стыдно. Хотя похрен, скоро такое начнется, что буду мечтать вернуться в это чудовищно раннее, отвратно пахнущее утро.

Что я собираюсь делать дальше? В первую очередь – продолжать спать, что-то мне подсказывает – оглядываюсь – что на сегодня я увидел достаточно. Но прежде – два значительных, слегка утомительных момента: не стройте иллюзий, я плохой человек, и, что намного, намного важнее, моя норма алкоголя – максимум ноль семь виски после трех банок пива, а то снова пропущу клубничку. То, что происходит вокруг, трезвому человеку оценить достаточно сложно.

Доброго вам утра и хорошего дня, а мне пожелайте, чтобы... пусть, когда я вновь открою глаза, обнаружу, что моя совесть и планы на будущее, взявшись за руки, друженько свалили куда подальше, как и все эти люди вокруг (которых я вижу, клянусь вам, впервые в жизни), оставив после себя приятный простор и легкое похмелье.

Часть I

Глава 1

Мистер Математик, оказывается, женат. Причем на подруге моей подруги.

Какая досада...

Бывают же совпадения! А выбери мы любой другой бар сегодня, так бы и не узнали размер скелетов в шкафу безупречной, по рассказам Саши, четы Озерских. И к лучшему бы, наверное, но, увы, мы сидим именно во «Взрослой библиотеке», отмотать время назад не получится, как и забыть, что Мистер Математик должен носить кольцо на безымянном пальце, а не обхаживать в пятницу вечером сногшибательную женщину, которая определено точно – не его жена.

Саша открыла инстаграм и показывает фотографии, на которых Математик обнимает родную супругу и улыбается. Они оба смеются, выглядят счастливыми и влюбленными. Мы передаем сотовый по кругу, пораженно качаем головами и цокаем языками. Мы осуждаем его и презираем так сильно, насколько только возможно.

Не скажу, что мне есть хоть какое-то дело до Озерских, но у Саши едва ли пар из ушей не идет от негодования, и я не могу это проигнорировать.

– Веро, ты точно уверена, что этот парень, – она показывает взглядом, кого имеет в виду, – и есть тот самый Красавчик-я-возьму-тебя-на-подоконнике? – выделяет голосом прозвище, которым я обозвала Озерского. Разумеется, я рассказала близким подругам, что уже несколько недель вздыхаю по новому соседу, и сейчас сижу красная, как спелый помидор, от стыда и смущения.

Прослеживаю ее взгляд, и, как назло, Математик в этот самый момент отрывается от собеседницы и смотрит на меня. Наши глаза встречаются. Искры, разумеется, не летят, хотя он и хорош собой. Зато мои губы брезгливо кривятся, а его брови летят вверх в удивлении. Узнал, кажется. У нас это взаимно, парень. И для тебя это плохо. Очень, очень плохо.

– Да, это определено точно – он, – понуро отвечаю я. За барной стойкой стоит не кто иной, как мой новый таинственный сосед собственной персоной, которого я называю в честь своего учителя математики, так как мужчины весьма схожи внешне. И не только внешне, как выяснилось. Учитель проработал в нашей школе недолго и запомнился поразительной лояльностью к женскому полу. Девочки, вне зависимости от внешности, характера и поведения, у него всегда получали «четыре» или «пять», даже если забыли тетрадь с домашкой дома. Представьте себе, он верил нам на слово!

«Ты решала эти задачи, Вероника?»

«Разумеется!» – честнейшие глаза.

«И с ответами сошлось?»

«Да, я проверяла. Но забыла тетрадь дома, мне так жаль!»

«Ничего страшного. Главное, что разобралась. Молодец,

пять».

А мальчики, напротив, в лучшем случае – закрывали четверть.

«Ты это списал. Я не верю, что решил сам».

«Да сам я решал! Могу прямо сейчас повторить на доске».

«То, что разобрался – похвально. Но в следующий раз – не лги. Три».

Захар Лазаревич «учил» нас целых два года, пока не пришли результаты ЕГЭ в конце одиннадцатого класса. В итоге «отличницы» по баллам набрали в лучшем случае «удовлетворительно», а безнадежные парни – четверки-пятерки. Сюрприз-сюрприз! Девочкам он ставил оценки просто за то, что у них между ног имеется вагина. К сожалению, экзамены показали, что такой подход в образовании, помимо нашей школы, больше нигде не прокатывает.

Самое время представиться – меня зовут Вероника Михайлова, и я провалила вступительные, после чего целый год работала в похоронном бюро у дяди. И мне есть что вспомнить, поверьте.

Мистер Математик номер два оказался таким же падким на женскую красоту прохвостом, как и его предшественник! У него жена дома, а он тут едва ли не сосетя с какой-то... блондинистой девицей! Мы с девочками пребываем в состоянии сильнейшего шока от увиденного. Все, ранее популярные за нашим столиком, темы мгновенно потеряли привлекательность. Мы обсуждаем только Ксюшу и, как выяснилось, Егора, причем в глаза Ксюшу видела только Саша, но нам этого хватает, чтобы уцепиться за тему и встать на ее сторону. Воспринять измену ее мужа как личную обиду.

Самое время повторить коктейли.

– Нет, ну какой козел! – причитает Поля. – Вы посмотрите на него! Заказывает ей третий бокал шампанского. А кольцо свое... снял же? Вы видите кольцо?

Мы, украдкой, чтобы не привлекать внимания, поглядываем в сторону барной стойки, щуримся, напрягая зрение в полумраке клуба. Мистер Математик, поправочка, Егор Озерский, кажется, начинает что-то подозревать, тоже бросает редкие, но внимательные взгляды в нашу сторону. Сашу он не знает, и, судя по всему, думает, что стал объектом слежки исключительно из-за того, что является моим соседом.

– Я не вижу кольца, – уверенно заключает Василиса. Мы вчетвером тянем: «н-да-а», – думая, что делать дальше.

– Не помнит меня, гад! А я, между прочим, на их свадьбу была приглашена, – возмущается Саша, – правда, из-за

гриппа не получилось, до сих пор жалею. Ксюша выглядела потрясающе, я раз пять пересматривала видео в «ВК».

– А когда это было?

– Да в том году и было. Недавно совсем! Годовщину не успели отметить, а он уже ей изменяет.

– Рано делать выводы, может, он здесь по работе? Кстати, чем он на жизнь зарабатывает? – с надеждой произносит Полина, последние месяцы у нее единственной все хорошо в личной жизни, поэтому она настроена видеть в людях только хорошее. В этот момент блондинка тянется и что-то шепчет Мистеру на ухо, тот смеется, поглаживает ее по спине, и все бы ничего – но на этой самой спине такой глубины вырез, что гладит он ее по голой пояснице, норовя коснуться того, что расположено пониже.

– Может, не стоит Ксюше ничего знать? – сомневается Полина.

– А как бы ты отнеслась, если бы твои подруги знали, что твой жених гуляет, но промолчали бы?! – огрызается Василиса. Я пожимаю плечами, понятия не имея, что делать.

Целых два месяца мне нравилось наблюдать за тем, как Мистер утром, голый по пояс, курит на балконе или поздно вечером забавляется на кухонном подоконнике с какой-нибудь красоткой. Это было не часто, один-два раза в неделю, но я действительно ждала его появления на этом самом балконе или... на кухне.

Он недурен собой, раскован, не гей, а то, что каждую неде-

лю приводил новую подружку, говорило о том, что ничего постоянного в его жизни нет, а значит, между нами существует какая-то... недосказанность. Надежда. Флирт. Возможно, однажды... когда-нибудь... как знать... на его подоконнике побываю и я. Почему нет? Мне двадцать четыре, и я настолько давно одна, что почти созрела до ни к чему не обязывающего перепиха. Я фантазировала, что на свой юбилей выпью огромный бокал вина – а у меня есть такой, размером с полбутылки – и постучу в его дверь, сжимая в руке пакет с выпивкой и презервативами.

О, я буду невыносимо сексуально выглядеть.

Он многообещающе улыбнется, показывая, что узнал, сделает шаг в сторону, пропуская меня в квартиру. Я стисну зубы, мысленно давая себе пинка под зад, и сделаю шаг вперед, а затем еще один. Пройду в комнату, не снимая высокие шпильки, а он задержится у входа, оценивая мой вид сзади. А когда я обернусь, то увижу, что он улыбается, так как увиденное ему понравилось. Я не стану снимать туфли той ночью. И ни о чем не пожалею после.

Мой сосед, думала я тогда, холостой привлекательный мужчина, идеальный вариант для развлечения. Живет недалеко – а это плюс, в любой момент, в любую секунду дня или ночи не проблема сбежать домой. Хоть с закрытыми глазами на ощупь! Чтобы добраться до работы, мне нужно проехать всего одну остановку, так почему бы не завести любовника

в пешей доступности?

А тут выясняется, что объект моего вожделения – всего лишь козел обыкновенный. Мерзавец, который вовсе не холостяк, а просто снял себе квартиру для одноразовых связей втайне от жены.

Я закипаю от злости. Мне противно, что в моем районе сдают квартиры таким, как он. Честно говоря, я приканчиваю второй мартини и прихожу в бешенство.

– Девочки, только не бейте, я уже отправила Ксюше сообщение, – вздыхает Саша. – Мы с ней со школы знакомы, долго жили вместе, когда учились. Я не могу допустить, чтобы этот урод ее обманывал. Ксюша – не чужой мне человек. Она... очень добрая и хорошая, она достойна лучшего.

Мы вчетвером киваем друг другу, просим официанта повторить выпивку и чокаемся бокалами.

– Они все нас недостойны, – уверенно заключает Василиса. Мы снова дружно киваем, Полина поджимает губы, но молчит.

В двадцать пять девушка либо замужем, либо пережила несколько ужасных разочарований в жизни, и ей есть что рассказать подругам после пары алкогольных коктейлей. Иногда мне кажется, что время, когда родители сами устраивали браки детей, было не таким уж плохим. По крайней мере, женщинам не нужно было отмывать туфли от всей той грязи, которую разводят под ногами современные мужчины.

Ксюша не заставляет себя долго ждать: врывается в клуб через полчаса после того, как Саша отправила ей сообщение. Она невысокая миниатюрная шатенка с большими глазами, в которых сейчас полыхает жажда расправы. А увиденное в следующую секунду разбивает мне сердце. Ксюша беременная, ее круглый животик явно заметен под обтягивающей футболочкой.

– Вот черт! Зачем она приехала! – восклицает Саша. Мы смотрим на влетевшую в двери молодую женщину: на вид Ксении лет двадцать пять, она одета в свободные джинсы для беременных и курточку, которая не застегивается. Ксюша нервно оглядывает зал, шуруется и моментально выделяет из толпы своего мужа. А дальше ее не остановить даже вооруженным полицейским. Взгляд метает молнии, губы плотно стиснуты. Широким решительным шагом Ксюша подходит к мужу и дергает его за рукав. Он оборачивается, но будто не удивлен ее появлению. Здесь шумно, невозможно слышать, о чем они говорят, но если попытаться прочесть по губам, то Мистер Математик выдает что-то вроде: «Ты что здесь делаешь? Иди домой». Ксюша что-то кричит, она возмущена и обижена. Блондинистая стерва смеется, и зря. Ксюша вцепляется ей в волосы. Блондинка визжит, Мистер пытается оттащить жену от любовницы, мы кидаемся спасать нашу беременную Ксюшу.

Охрана не отстает. Музыка выключают.

– Осторожно, умоляю вас! – кричу я. Самое главное сей-

час – не навредить ребенку.

– Как ты смеешь меня так позорить, жалкий кусок дерьма! Да я тебя уничтожу! Раздавлю, как таракана, убожество! – вопит Ксюша. Математик, наконец, перестает улыбаться и флиртовать, он тоже злится. Злится на беременную жену за то, что она застучала его с любовницей. Сердце колотится на разрыв, я чувствую вину за то, что узнала его. Не могу поверить, что такие люди существуют в реальной жизни. Меня тошнит от него. Хотя на своем жизненном пути я тоже встречала не лучшие экземпляры.

Происходит неразбериха, снова включают музыку, еще громче, чем прежде. Математик делает знаки охране и бармену, что все в порядке и со своими женщинами он разберется сам, обнимает упирающуюся жену и пытается увести ее к выходу, но в этот момент блондинка показывает ему знак «позвони мне», что становится последней каплей. Ксюша грубо отталкивает Озерского, тот не отталкивается и отталкиваться не собирается, что-то кричит ей на ухо.

Понятия не имею, как так получается, и каким образом я оказываюсь рядом с ними. Ксюша смачно плюет ему в лицо, на что он ошарашенно посылает ее на хрен. Я размахиваюсь и влепляю ему пощечину, а рука у меня тяжелая, десять лет в спорте не прошли даром. Он морщится и удивленно смотрит на меня.

– Все, с меня хватит, – поднимает ладони на уровень груди и отступает на шаг назад. – Позвонишь, когда придешь в

себя, ненормальная, – заявляет он жене, затем направляется в сторону туалета, а блондинка, показав нам средний палец, семенит следом за ним.

В помещении будто бы становится темнее, кажется, я начинаю задыхаться. Он просто взял и ушел, не оглянувшись. Я поражена, ранена и морально уничтожена. В этот момент я желаю зла всему мужскому роду. Да как он смеет так себя вести! Уму непостижимо.

– Ей нехорошо, Егор! – кричит Саша, но он не оглядывается. Или не слышит, или ему плевать на свою жену и будущего ребенка.

«Скорая» Ксении не требуется, девушка быстро берет себя в руки, как только мы выводим ее на свежий воздух, и даже улыбается. Скоро полночь, на улице темно, прохладно и тихо, о том, что мы не в деревне, а в многомиллионном городе, напоминает лишь приглушенная музыка из «Взрослой библиотеки» да обрывки песен из колонок проносящихся мимо машин. Небо черное, даже луны не видно. Куда ж она делась, когда так хочется зацепиться за нее взглядом? Толпа подвыпивших подростков пытается уговорить охрану пропустить их в клуб, огромный лысый амбал непоколебим, требует паспорт и отправляет их учить уроки. Подростки возмущаются, используя ненормативную лексику, но он лишь улыбается – мне б такое терпение.

– Девушки, вам помочь? – вежливо спрашивает он.

– Вы можете набить морду моему мужу? – с надеждой спрашивает Ксюша. Она выглядит такой беспомощной и расстроенной, что я сама едва ли не кидаюсь в драку, чтобы защитить ее и ее честь.

– Да запросто, – улыбается он, и она начинает смеяться. Охранник уходит в клуб, а мы помогаем Ксюше присесть на невысокий заборчик.

Она плачет, вытирает щеки, мы изо всех сил пытаемся успокоить. Обещаем, что ему достанется по заслугам, а она, в свою очередь, обязательно найдет достойного папу своему малышу и так далее и все в таком роде. Что тут еще скажешь? Трудно найти оригинальные утешения, когда ситуация до отвращения знакома и понятна.

Мне так сильно ее жаль, что сама начинаю плакать.

– Давай возьмем такси, отвезем тебя домой, – решительно предлагает Саша. Ксения кивает. Снимает с пальца кольцо.

– Только верну ему это. Пусть подавится, сволочь. В пылу ссоры позабыла совсем, – всхлипывает покрасневшим носом.

– Ну уж нет, я не позволю тебе зайти в бар и снова увидеть его с этой... после того, что они там делают... в туалете! – Сашу перекашивает от отвращения. Нас всех перекашивает. – Надеюсь, охранник появится вовремя – испортит им... момент.

Мы смеемся, в красках представляя себе эту сцену.

– Я не уеду, пока не верну кольцо, – упирается Ксения.

– Пойду я, – зачем-то переключаю внимание на себя. Протягиваю руку. – Я засуну это кольцо ему в глотку, обещаю.

Ксюша смеется сквозь слезы, мы тоже улыбаемся.

– Я буду очень благодарна, – кротко говорит она. – Потом возвращайся, поедем все вместе ко мне. У этого убудка дома шикарнейший бар, распечатаем. Там есть бутылка виски стоимостью в состояние. Выпьете, что сможете, остальное выльем. О, у меня огромные планы на его рубашки и галстуки.

– Отличная идея! – восклицает Саша. – У меня как раз выходной завтра.

– А он нам ничего не сделает после этого? – беспокоится Василиса.

– Не сделает, он слабак. Я думала, что такой по жизни, всегда делала скидку, а оказалось, его еще и на передок несет. Беременность тяжелая, нельзя сексом заниматься, вот он и... – она вытирает слезы. – Утром приползет просить прощения, вот увидите. Пойдемте, девочки. Пожалуйста, не оставляйте меня сейчас одну! Я вас очень прошу, не бросайте, – она паникует.

– Я пас. Мне завтра на работу рано, – говорю я. – Езжайте, не ждите. Я запишаю ему кольцо куда-нибудь поглубже и домой. Потом расскажете, как все прошло.

– Веро, ну ты чего! – стонет Поля. – Как мы без тебя? Ты нужна нам.

– Я и так выпила сколько! Мне завтра с шести утра нуж-

но быть на ногах. Все, девочки, увидимся. Как доберетесь, скиньте сообщение, чтобы я не волновалась.

– И ты тоже.

На этом расходимся. Подруги спешат в сторону парковки, а я, сжав пальцы в кулаки, возвращаюсь в бар. Мне совсем не страшно. Нисколючки, хотя я прекрасно понимаю, что человеку, способному так низко поступить с собственной женой, ничего не стоит поднять руку на женщину. А я хоть и спортсменка в прошлом, но всего лишь фитнес-тренер, а не каратистка. Ладно, я просто с безопасного расстояния кину в него это кольцо, развернусь и убегу. Надеюсь, все поняли, что обещанное мною выше – шутка для поднятия боевого духа.

Я по-прежнему вне себя от ярости! Потому что... черт, я ведь почти переспала с ним! Во снах – так раз десять, и была опасно близка к тому, чтобы сделать этот шаг наяву. Он мне подмигивал... несколько раз за последние пару недель. Тоже начал замечать внимательную соседку и не собирался скрывать этого. Впервые я поняла, что вышла из тени, когда развешивала белье на балконе, а он курил в одиночестве, внимательно за мной наблюдая. Растерявшись, я отвела глаза и отвернулась. А потом, следующим вечером, он помахал, когда целовал взасос девушку на кухонном подоконнике. Видимо, заметил, как жадно я на них пялюсь, доедая яблоко.

Наши окна расположены напротив, а он так и не удосужился повесить занавески.

Я испугалась, тут же спряталась за шторой, а он усмехнулся и помахал мне, но девушку увел вглубь квартиры.

Боже, ну какой подонок! И какое счастье, что я узнала о том, что у него жена в положении, до того, как осуществила свою фантазию! Спасибо Господи! Иначе я бы сейчас себя возненавидела. И зареклась бы когда бы то ни было заниматься сексом в принципе.

Прижимаю ладонь к груди, стараясь успокоиться.

Нахмурившись, я решительно захожу в клуб. Музыка орет, освещение приглушенное, народ пьет и веселится, забыв о недавней сцене. Подхожу к барной стойке. Клуб небольшой, с моего ракурса отлично проглядывается – нет ни Математика, ни охранника, ни блондинки. Озерский, судя по всему, до сих пор развлекается в туалете со своей... шлюхой. Теперь можно смело так называть мерзкую блондинку, она ведь знает, что он женат, и все равно согласилась на продолжение вечера! Нет, я не моралистка и не монашка, но женатые мужики всегда были и будут табу для меня.

Этот мир точно сошел с ума. Я верну ему кольцо и больше никогда не посмотрю в окна напротив. Повешу вместо штор плотные жалюзи.

Жду около получаса у барной стойки – они не появляются. Нет, конечно, столь долгий половой акт заслуживает по-

хвалы и даже уважения, но когда ты этим занимаешься со своей девушкой, а не с проституткой в туалете клуба.

В этот момент я оборачиваюсь и натываюсь взглядом на ту самую блондинку, что была с Математиком. Она уже в другой компании, и судя по всему – давненько хорошо проводит время без моего соседа. Сидит на диванчике второго этажа, болтает, как ни в чем не бывало.

Поднимаюсь наверх. Соседа не видать. Странно, в клубе один выход, я бы его не пропустила. Или, может, он воспользовался запасным ходом?

Обидно вот так угробить почти час времени напрасно. Пресловутое кольцо, символ теперь уже нарушения клятвы верности, все еще в моей руке.

Некоторое время кручу его, разглядывая платиновый ободок, крупные брильянтики по периметру. Очень красивое, дорогущее. Жаль, что даже такое украшение не может послужить обещанием счастливого брака.

На сотовый падает сообщение, что девочки успешно добрались до квартиры Ксении и уже вскрыли один из элитных напитков, я же по-прежнему торчу в дурацком баре, хотя меньше чем через шесть часов мне нужно быть на утренней тренировке в фитнес-клубе.

Делать нечего, подхожу к блондинке. Она, видимо, припомнив пощечину, отшатывается от меня, но я приветливо улыбаюсь и показываю руки – дескать, драться больше не на-

мерена.

Блондинка кивком спрашивает, что мне нужно.

– Егор! – кричу ей в ухо, пытаюсь переорать музыку, которая здесь слышится еще громче. – Где Егор?

– А? А, этот. Понятия не имею, он прогнал меня и уперся бухать на третий этаж, там вип-столики.

– Здесь есть вип-столики?

Она оценивает меня презрительным взглядом и кивает. Ну что ж, надеюсь, меня туда пустят. Уехать домой вместе с кольцом кажется плохой идеей. Ксения хотела от него избавиться, а я – и подавно.

Поднимаюсь выше, и, ожидаемо, натываюсь на сурового охранника.

– Мне нужен Егор Озерский, – говорю я, понимая, что план «запахать кольцо поглубже» теряет актуальность, учитывая количество камер вокруг. Я просто положу кольцо перед ним и уйду, тем самым искупив вину за пошлые мысли в отношении этого мужчины. Мне нужна одна минута.

Охранник долго не хочет даже смотреть в мою сторону, в конце концов оборачивается и вглядывается в зал за спиной. Я делаю то же самое, и нахожу сидящего за дальним столиком Егора. Один. Перед ним начатая бутылка с выпивкой. Он отрывает затуманенный взгляд от танцпола и поднимает его на нас, охранник разводит руками – дескать, что с ней делать? Егор тарасит глаза и недвусмысленно качает головой, показывает руками блоки, требуя гнать меня вшаей.

Вот черт. Я сжимаю ладони в умоляющем жесте, свожу брови домиком и он, после нескольких секунд колебаний, смиловившись, кивает. И вот я в вип-зале.

Музыка здесь намного тише, и я понимаю, что раз не могу позволить себе отвесить негодюю вторую пощечину, то вполне в состоянии хотя бы «убить» едким комментарием. Ну что ж, держись. За Ксюшу и за всех обманутых женщин.

Выпрямив осанку и включив походку «от бедра» – а я достаточно для этого пьяна и зла – приближаюсь к негодюю. Егор смотрит на меня, ждет, что будет дальше.

Ну до чего же симпатичный мужик! Полностью в моем вкусе. Лет двадцать семь-тридцать на вид, плечист и неплохо сложен. Взлохмаченная прическа и двухнедельная борода выглядят не слишком опрятно, но ему это идет, как ни странно. Глаза под темными густыми бровями внимательные, цепкие. На мгновение мне становится жаль, что я узнала о его штампе в паспорте до того, как решила переспать с ним. Упущенные возможности добавляют тяжести ногам, я замедляю шаг, стискиваю губы, стараясь выглядеть строже.

Он напряжен и насторожен. Ждет подвоха. Еще бы – щечка, куда я ударила его, до сих пор румяная. И мне не должно быть за это стыдно.

Оцениваю его высокомерным взглядом, сажусь напротив, закидываю ногу на ногу. Кладу кольцо на стол и передвигаю ему. Он его тут же берет, начинает вертеть в руках, присталь-

но рассматривая.

Смотрит на меня вопросительно. Мое сердце колотится, сейчас выскочит из груди. Сердце думает, что сегодня ночь высоких кардионагрузок.

– Ксения больше не хочет тебя видеть, – меня тошнит от него. – Не сомневайся даже, в жизни все возвращается, такая шикарная девушка, как она, быстро найдет себе прекрасного мужчину и лучшего отца ребенку, а ты останешься один. Ее боль тебе вернется, вот увидишь. И никому не станет жаль, – я начинаю подниматься, чтобы уйти. – Хорошего вечера.

В ответ ожидаю чего угодно: от оскорбления до удара, но никак не кивка.

– Это не мой ребенок, – ошарашивает меня Озерский. – Жена моя, а вот ребенок не мой. – Я уже успела сделать шаг к двери, но оборачиваюсь. Он так и сидит в своем кресле, скрестил руки на груди. Пялится на меня исподлобья. Если бы он пытался флиртовать, как тогда, на балконе, или грубить, я бы ушла, не оглядываясь. Но эти слова были сказаны без единой эмоции. Математик перевел взгляд на столешницу из коричневого дерева. Он пьян, но не агрессивен. Честно говоря, трезвым выглядел намного опаснее. Ему все равно, стою я рядом или ушла. Я думаю, он даже не понял, что произнес эти слова вслух. Сорвалось то, что болталось на языке. Накопилось – он отпустил. И снова остался один на один со своими мыслями.

– В смысле – у вас свободные отношения или что-то в этом

роде?

– Теперь да, куда уж деваться.

– Почему ты думаешь, что не твой? – спрашиваю, замерев на месте. Просто развернись и уйди, почему ты продолжаешь стоять рядом и пялиться на него?

Кажется, он тоже немало удивлен моей настойчивости. Наливает себе виски, голыми руками берет лед из вазочки и бросает в стакан, делает большой глоток.

– Ну здравствуй еще раз, любопытная соседка, – говорит, улыбаясь. А глаза при этом грустные. – Откуда ты вообще знаешь Ксюху?

– Я ее не знаю, она подруга Саши, а с Сашей мы вместе работали.

– А, – он понимающе кивает, – то есть ты считаешь, что имеешь право читать мне нотации, несмотря на то, что мы даже не знакомы и ты не знаешь ни обо мне, ни о моей жене ровным счетом ничего? – склоняет голову набок. Слова «о моей жене» из его уст не должны ранить, но делают это. Математик слишком мне нравится, чтобы не ревновать даже после того, как я узнала о его подлости. Боже, я безнадежна, чувствую себя провинившейся и глупой. Отлично понимаю, что не должна здесь находиться. Он-то не знает, что сто раз отымел меня всевозможными способами в моих безумных снах, он не в курсе, что его поведение я восприняла как личное оскорбление, потому что мысленно... присвоила его себе.

Топчусь на месте, а пора бы уходить. Глупо ведь получилось – они семья, ссорятся, мирятся... всякое бывает. То, что мы с Егором периодически переглядывались и ловили улыбки друг друга – совершенно ничего не значит, кроме того, что неправильная застройка районов, при которой дома расположены непозволительно близко друг к другу, разбивает сердца. Я почувствовала себя еще более неудобно. Не стоило вмешиваться.

– Ладно, похрен, – внезапно говорит он бодро, – садись, выпей со мной.

– Спасибо, конечно... Но я здесь не для этого.

– Пожалуйста. Ты обязана составить мне компанию, учитывая, что часом раньше врезала мне по морде. Это... сближает людей, хотя и непонятно почему.

– Подумаешь, маленькая пощечина, – я прикусываю губу, но присаживаюсь напротив него, – какие мы нежные.

Одна минута. Я побуду в его компании ровно одну минуту, после чего незамедлительно отправлюсь домой.

Он хитро улыбается. Ему нравится то, что я не сдаюсь в этой словесной перепалке.

– Моя первая пощечина в жизни, надо это отметить.

– Значит, до этого тебе везло? Девушки попадались робкие?

– После меня им хотелось спать, а не драться. Вы с подружками испортили мне вечер, между прочим.

– Извини, пожалуйста, – я закатываю глаза, и он смеется. Мне нравится его голос, он низкий, обволакивающий и кажется знакомым.

– Извиню, если прочитаешь вот это, – он сует мне свой мобильный. И я, понятия не имея зачем мне его прощение, беру телефон и послушно читаю.

– Ничего понять не могу, это какой-то форум? – хмурюсь.

– Тут скрины, снятые с форума сайта «Хеппибеби». Читай, не бойся. Там, конечно, море ошибок, но Ксюха никогда не была грамотейкой. Мне, в общем-то, плевать – от того, что она пишет «жи-ши» через «ы», менее сексуальной не становится. Не из-за орфографии начался этот пи**ец, – он оглядывается по сторонам, словно имеет в виду обстановку в баре. Мы практически одни на этаже – только охранник, стоящий у лестницы спиной к нам, да сладкая парочка за столиком у стены напротив.

– Не бойся, даже если бы я хотел дать тебе сдачи, то слишком пьян для этого.

Пока я читаю сообщения, а скринов в его телефоне аж сорок семь – тема очень популярна, он подзывает официанта и просит еще один стакан. Услужливо накидывает мне лед, сверху щедро плескает виски. Я, конечно, жестом прошу этого не делать, так как трех коктейлей мне за глаза, но он не слушает, заверяя, что я передумаю, и на третьей странице я действительно делаю глоточек.

– Капец, – говорю, отрываясь от экрана. Он смотрит мне

в глаза так, будто мои комментарии ему сейчас нужны как воздух. Затем пожимает плечами и спрашивает:

– Жаль, что здесь не курят, да? А какой вообще штраф? – он начинает оглядываться в поисках табличек.

Заголовок темы гласит: «Как узнать, кто отец ребенка? Срочно!!!», автор – «Жена ревнивца».

– «Ревнивец» – это ты? – уточняю на всякий случай.

– Еще какой, – заверяет меня Математик, многократно кивая для усиления сказанного.

Сообщение в шапке топика гласит: «Девушки привет... Свершилось, я беременная! Севодня тест показал две палоски... Вы знаете... как долго я мечтала об этом как сильно ждала!! Но радости не испытываю. Мне срочно нужна Ваша помощь!! Есть ли способ выяснить... кто отец ребенка... если в опасные дни было два партнера?!!!...» Дальше она по датам расписывает, когда у нее начался менструальный цикл, сколько он длится дней, когда, по ее ощущениям, произошла овуляция и в какие даты был секс с МЧ1 и МЧ2.

– Я – МЧ1, – разъясняет Егор с энтузиазмом, – я все посчитал. Когда ее е*ал МЧ2, меня не было в городе. Вот чем чревата женитьба на красавице – только ты за порог, ее трахает кто-то еще. Ее все время кто-то трахает, – он разводит руками, и это было бы смешно, если бы не было так важно для него. По глазам вижу, что важно.

– А кто такой МЧ2? – спрашиваю, продолжая читать со-

веты о том, что нужно взять волосы любовника, измельчить и подсыпать мужу в обед, произнося при этом «вбери в себя черты, тайну мою скрой», а затем «отче наш» три раза, тогда ребенок будет точно похож на мужа. Морщусь.

– Читаешь про волосы? Она написала, что не верит в такое, но на всякий случай я больше не ем дома.

Я улыбаюсь, не могу ничего с собой поделатъ.

– Извини.

– Да пофигу.

Он пожимает плечами и возвращается к теме разговора:

– Понятия не имею, кто такой МЧ2. Если бы кто меня просветил, был бы благодарен, – барабанит пальцами по столу.

– А Ксюша что говорит?

– Разумеется, все отрицает, – он снова делает глоток виски, кладет на стол пачку сигарет, зажигалку. – Ну, пытать ее сейчас не вариант, сама понимаешь. Пусть спокойно родит, там будет видно.

– Спокойно родит? Ты трахаешь все, что движется, не скрываясь, и говоришь мне тут, что хочешь своей жене покоя?

– Во-первых, – он пододвигается ближе, и кажется, что нависает надо мной. Злитсâ, и мне становится страшно. Еще чуть-чуть, и я почувствую его дыхание на своем лице, – во-первых, не все, что движется, а только секси-телочек, – не знаю почему, но я краснею. – А во-вторых, мне нужно поста-

вить памятник только за то, что я не придушил ее, как только узнал о бля*стве, – его слова звучат как угроза, холодок пробегает по спине. Впервые за вечер он выглядит агрессивным. Егор откидывается в кресле, а я размышляю, на что может быть способен ревнивый мужчина, узнавший о предательстве?

– Может, «жена ревнивца» – не она? – с надеждой спрашиваю.

– Я уверен, что она. Было бы хоть одно сомнение, я бы за него ухватился.

– Черт, Егор, зачем ты вообще полез на этот форум! Ну к чему эти расследования!

Он комично закатывает глаза, утрируя свою реакцию на мое замечание:

– Перечитай ее ник еще раз. Я проверяю всю ее почту.

– Это ненормально.

– Она знала, за кого выходила. Я никогда не скрывал, кто я есть на самом деле. Понимаешь... А как тебя зовут вообще? – вдруг спохватывается он. Да уж, вовремя. Мы почти час обсуждаем его самую что ни на есть личную жизнь, пора бы познакомиться.

– Вероника, – я протягиваю ему руку, и он ее быстро пожимает.

– Егор. Так вот, Вероника, я абсолютно отрицательно отношусь к изменам. Ксюша знала, что я никогда не смогу про-

стить даже поцелуя с другим мужиком, не то что секс. А тут, по-моему, вообще гребаный триндец! Нет? Ты так не думаешь?

– Все совершают ошибки, – втягиваю голову в плечи, понимая, какую же чушь несу. Он, видимо, по глазам прочитал, о чем я думаю, поэтому проигнорировал мое нелепое оправдание.

– Я не могу любить женщину, которая меня не уважает и выражает это таким вот способом, – брезгливо морщится.

– Ты ее любил?

– С детства, – говорит и допивает свой напиток. Лед в его стакане не успевает таять, но Егор перед каждой новой порцией докладывает пару кусочков. Еще пара штук – и горочка будет.

– погоди. Ну может, это шутка такая? Егор, нельзя же рушить жизнь из-за сообщения в интернете! Да мало ли что могло случиться? Вдруг ее элементарно подставили?

– Хотелось бы в это верить, но вот что-то не получается.

– А тест на отцовство?

– Сделаем после родов, конечно, но как прежде уже никогда не будет. Если мой – я, разумеется, согласен платить алименты.

– Однозначно развод?

– Естественно. Да о чем ты вообще говоришь? – он снова разводит руками. – Она трахается с другими, я трахаю других. Это похоже на семью, скажи мне, Вероника? Ты себе так

представляешь брак?

Я вздыхаю.

– Спасибо, что прочитала и поговорила со мной. Хотелось с кем-то обсудить. Другим стыдно даже заикнуться, – задумчиво говорит он, распечатывая зубочистку, прикусывает ее. Вертит сигарету в руках. – Думал к священнику сходить, но, оказывается, исповедь происходит при всех. Шепчешь второпях на ухо, когда еще двадцать человек стоят за спиной, напрягая уши-локаторы. Я думал, все как в кино будет – закрытая кабинка, пустынный готический храм.

– Тебе нужно в католическую церковь.

– Предательство – это самое ужасное, что может сделать женщина по отношению к своему мужчине. У меня была семья, планы на будущее, беременная жена, а через минуту я потерял все, просто авторизовавшись за ее ноутом. Мой отец говорил, что все до единой бабы – шлюхи, а я не верил. Вот к тридцати годам прозрел. Ну что ты смотришь на меня испуганно, Вероника, хочешь опровергнуть мои слова? Представь, я не могу даже наорать на нее как следует, потому что она беременная, и вне зависимости от того, кто отец, у нее есть преимущество в любой ссоре.

– Мне жаль.

– И мне жаль, – он разливает остатки выпивки по стаканам. – Я не оправдываюсь перед тобой и не собираюсь. Напротив, признаю, что веду себя не образцово-показательно. Со стороны – так вообще, но понимаешь, Вероника, во все

остальные моменты мне тупо хочется сдохнуть. Выкарабкиваюсь из этой гребаной ямы, как уж умею, – он допивает виски и задумывается, не заказать ли еще, а я делаю несколько глотков и кашляю.

– Егор, а у тебя есть враги?

Он приподнимает брови. Я продолжаю:

– У тебя или у Ксюши? Ты говоришь, что она все отрицает.

– Ну, разумеется, отрицает. Ей же жить хочется.

– А если ее и правда подставили, чтобы разрушить ваш брак? Что если твоей «ямы» не существует?

Он морщится. Я продолжаю:

– Ты говоришь, что не знаешь, кто МЧ2. Может, его вообще не существует? Вместо того, чтобы ныть и пить, взялся бы да выяснил!

– Как? Говорю же, с Ксюхой поговорить невозможно, как только ее что-то расстраивает, ей сразу становится плохо, она хватается за живот и теряет сознание. Ей дурно, а мне хреново. Пять месяцев. Это почти, блин, полгода тянется! Когда я впервые показал вот эти скрины, у нее поднялось давление, пришлось вызвать скорую, она неделю лежала на сохранении, а я чувствовал себя убийцей. Да и врач припер к стенке, заявил, что такими темпами я спровоцирую выкидыш. Как только она меня видела, сразу начинала рыдать, пока я не сказал, что верю ей. Мы типа помирились, живем вместе, но она понимает, что спокойствие мое – липовое и

временное. Понимает и не лезет в мою жизнь.

– Сегодня Ксюша понимающей не казалась.

– Да. Очень удачно влезли вы с подружками. Спасибо большое. На меня и так вся семья ополчилась, а она у нас огромная. Мне кажется, меня родная мать ненавидит за то, что плохо отношусь к Ксюхе. Но я не могу сказать правду, мама очень импульсивна, она не сможет сдержаться, устроит грандиозный скандал. Я не хочу брать грех на душу. Придется терпеть.

– И ты решил снять квартиру и водить туда женщин.

– Точно! И бухать, – он охотно кивает, наконец, прикуривает сигарету, с наслаждением делает затяжку и выпускает через нос густой дым. К нам спешит администратор, которому Егор пихает деньги, тот строго произносит: «всего одна», после чего удаляется.

В безумную историю Математика трудно поверить, но собственническое отношение к партнеру мне знакомо. Хотя, наверное, оно знакомо всем, кто хоть раз был влюблен по-настоящему. Ситуации, в которой он оказался, не позавидуешь. Ловушка. А еще мне кажется, что он до сих пор ее очень любит. Каково это видеть округлившийся животик своей любимой женщины, зная, что он была с другим, и, возможно, носит *его* ребенка? Егор столкнулся с предательством, размах которого много шире, чем он способен принять. Как продолжать доверять человеку, который создает

подобные темы на форумах? Ей, кстати, там много чего насоветовали, большинство форумчанок рекомендовали ничего не говорить мужу и жить в свое удовольствие. Общий вывод можно сделать только один – пятьдесят на пятьдесят. Отцом может быть в равной степени что один, что второй.

Мне грустно за Ксюшу, оказавшуюся в такой непростой ситуации. На моих глазах разваливается брак. Когда Егор говорит о ней, я вижу, как ему больно, и мне немного завидно, ведь меня никто никогда не любил так же сильно. Сама я любила. Однажды.

Я осушаю свой стакан и на вопрос «повторим?» киваю.

* * *

У меня нет и никогда не было синего постельного белья. Тогда почему подо мной сейчас так много темно-синей мягкой ткани? Простыни, подушка и даже одеяло, которое натянула на голову – всё это принадлежит не мне. А кому?

Голова не болит, но сердце колотится так, будто позади уже два километра, а впереди еще три. Оно, должно быть, решило, что я сошла с ума, вспомнила юность и рванула марафон. Зажмуриваюсь, силясь вспомнить, что вчера произошло и где могу находиться. Откуда-то слева слышится шум, бряканье посуды, и я начинаю вспоминать.

– Умоляю, скажи, что мы не переспали, – простонала в подушку, откинув одеяло.

– Мы не переспали, – отвечают мне приятным баритоном, который тут же узнаю. Да, голос принадлежит Егору, но определенно точно я слышала его раньше. Интересно, где именно, учитывая, что только вчера познакомилась с этим мужчиной?

– Точно? – спрашиваю.

– Нет, – судя по интонации, он смеется.

– Да ладно! – не верю ему, разумеется, но ужас сомнений «а вдруг?» бросает кровь к лицу. – Ничего не помню. Мы ехали в такси, мне очень хотелось спать... а потом все, провал. Ты подло воспользовался моим беспомощным состоянием? – я приподнимаюсь на вытянутые руки. Егор, одетый в джинсы и свежую майку, заходит в спальню и, присев на край кровати, смачно откусывает кусочек стебля сельдерея. Хрумкает, а у меня тошнота подкатывает к горлу. – Боже, какую дрянь ты ешь, – морщусь.

– Сказала мне инструктор по фитнесу и питанию, – посмеивается он, продолжая хрустеть.

– Бывший инструктор, – уточняю в свое оправдание.

– А по виду и на ощупь – как настоящий, – он оглядывает меня с ног до головы и играет бровями. Нет-нет-нет. За секунду до того, как я теряю сознание от отвращения к себе, он, смилостивившись, добавляет: – Ничего не было, не сокрушайся. Мы взяли одно такси, так как ехать в один район, и ты вырубилась по дороге, поэтому ничего и не помнишь. Сначала я честно затащил тебя к тебе домой, кстати, у тебя

уютно. Но не нашел вторые ключи, а входная дверь у тебя не захлопывается. Я не смог оставить тебя в «беспомощном состоянии» в квартире с открытой дверью. Не буду лукавить – пытался, даже на улицу вышел, покурил, затем вернулся, решив, что настало время проявить гостеприимство.

– Ого! Ты нес меня на руках в соседний дом?

– Увы, мы подбухивали вместе, поэтому я тебя... уронил. Дважды. Шутка, трижды. На самом деле мы падали вместе, – он задирает майку и показывает большую ссадину на боку, тычет пальцем в мое плечо, которое тоже слегка ободрано, и после того, как я заметила рану, его начинает саднить. Воспоминания возвращаются будто нехотя, через плену, неожиданно вызывая улыбку. Нам действительно было весело прошлой ночью, пьяный Егор много потешно матерился, читал мне стихи Ломоносова по памяти и вообще с гордостью заявил, что филолог в третьем поколении. А когда я ляпнула, что таким в наше время не гордятся, он строго погрозил мне пальцем.

– А почему ты не остался у меня? – я сажусь на кровати, голова немного кружится, но быстро приходит в норму. Понимаю, что одета во вчерашнее платье. Ни один предмет гардероба действительно не снят, все на месте, и это радует. Если бы Егор переделал меня, я бы сейчас чувствовала себя уязвимой, и мне бы это не понравилось.

– У тебя только одна кровать, а спать рядом с тобой невозможно.

– Почему? Раньше никто не жаловался.

– Ты домогаешься, – и глазом не моргнул.

– Что-о?!

– О да. Ну я же не железный, – хитро прищуривается. – Не парься, я понимаю, что сам напоил тебя, плюс травка оказалась на удивление забористой...

– Травка?

– Видимо, забыл предупредить, что мы курили не сигареты. Так вот, ты не виновата, что выключилась.

– Разумеется, я не виновата! – всплескиваю руками, поднимаюсь и иду в ванную, слыша, как он посмеивается за моей спиной. Мне даже смех его кажется знакомым, да что такое-то? Не успела я в него влюбиться настолько, чтобы млеть от одного голоса, но я млею и ничего не могу с этим поделать.

– Ты сказала, что я вылитый твой учитель математики, в которого ты была влюблена в школе и которого хочешь получить ХОТЯ БЫ СЕЙЧАС! – это он произнес, блестяще скопировав мои привычные интонации.

– О Боже, – я захлопываю за собой дверь и поскорее забираюсь под душ.

В следующие после моего выхода из ванной комнаты полчаса выясняется, что – первое – у Егора красивая небольшая квартира «для траха», как я ее пренебрежительно обозвала, на что он безэмоционально пожал плечами, впрочем, спорить не стал. Второе – я настолько сознательная, что перед

сном прислала сообщение Мирославе Алексеевне, что заболела и не смогу приехать на тренировку (слабое утешение, согласна). И третье – Егор не собирается выставлять меня поскорее за дверь. Вместо этого он приготовил нам на завтрак яичницу и сварил кофе, сидит теперь на полу с тарелкой в руках, смотрит на меня выжидающе.

В этой квартире нет столов, поэтому, видимо, ему и приходится часто пользоваться подоконником для своих, хм, целей. Из мебели только кровать в спальне, кресло да табуретка на кухне, на которой стоит банка с кофе и сахарница. Егор принес мне подушку, бросил ее у стены напротив и сейчас указывает на нее – дескать, устраивайся поудобнее.

– Прости, но кофе в постели у меня пьют только женщины, которые встали пораньше, сами его сварили и принесли мне чашечку. Поэтому... вот тебе подушка, ни в чем себе не отказывай.

Передо мной открывается та еще перспектива – сесть на пол в коротком обтягивающем платье. Но делать нечего, исполняю. Приходится, правда, зажать подушку между ног, чтобы не продемонстрировать ему свое белье.

Пару раз за утро я порываюсь попрощаться, каждый раз он отвечает лаконично: «позавтракай со мной» или «останься еще ненадолго», и от тона, которым он произносит свои просьбы, я теряюсь. Могу только кивать. Мысли в голове путаются. Я чувствую, что попала в ловушку. Может, он ди-

джей на радио? Или актер? Нет, я бы запомнила это лицо, если бы увидела в каком-то фильме. Певец? Ведущий? Где я могла его слышать раньше?

– А кем ты работаешь? – спрашиваю, отрезая кусочек плохо прожаренной яичницы. Обожаю, блин. Горячий желток тут же растекся по тарелке, и я с трудом подавляю желание собрать его кусочком хлеба. Смотрю, а Егор именно этим и занимается, отправляет хлеб в рот и подмигивает.

Ладно, кажется, он не собирается устроить соревнования, чьи манеры безупречнее. Тем более, мы сидим на полу, позади ночь пьянки, у нас обоих ободрана кожа от совместных падений, которые я теперь вспомнила, правда, смутно. Что уж теперь. Повторяю за ним.

– Что? – переспрашивает он. – Прости, задумался.

– Егор, чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Теоремами. Я учитель математики, – говорит он, как бы невзначай, я вспыхиваю от ассоциативного ряда, мгновенно построенного моей больной фантазией.

– Вообще не смешно.

Рассказывать ему – было очень плохой идеей. Худшей, наверное.

– Мне вчера тоже было не до смеха, я ж честно пытался с тобой дружить. Проявлять влагу... трахо... а, благородство (никак не запомню это слово) было непросто, я ведь в очередной раз тонул в жалости к себе. А когда это начинается,

то я позволяю себе практически все.

– Практически? То есть все же какие-то границы имеются? – произношу мрачно, и он хохочет вслух, откинув голову.

– Кстати, – вдруг начинает хмуриться, – надеюсь, ты не думаешь, что я джентльмен? Сегодня утром тебе стало жарко, ты откинула одеяло, твое платье задралось, и...

– И ты ведь поправил одеяло?

– Ну, разумеется. Перед этим, правда, рассмотрел как следует твою попку и передернул в ванной, – пожимает плечами.

О Боже.

– Егор, вне зависимости от того, правда это или шутка такая, твои слова звучат мерзко, – впиваюсь в него взглядом. – Ты вчера мне читал «Я знак бессмертия себе воздвигнул» и «Ночную темнотою покрылись небеса», а сегодня... Как ты вообще это совмещаешь в себе?

– О времена, о нравы! – он смеется. – Когда я работал над дикцией, то помимо скороговорок бабушка советовала тренироваться на Ломоносове. Поначалу после одного куплета у меня начинала болеть челюсть, но постепенно язык привык к тяжелым нагрузкам.

– Однако же...

– Не надо стесняться, это было неплохо. Ну, я про ванную.

– Эм. Ну, пожалуйста, – я решаю, что с меня хватит, поднимаюсь с пола, выходит не быстро, так как ноги затекли, и он успевает перехватить меня за руку.

– Получше даже, чем если бы я остался с той кошечкой из бара. Пстой, не уходи. Прости. Останься, пожалуйста.

– Зачем?

– Затем же, зачем ты осталась вчера. Чтобы не дать мне тронуться умом в этой гребаной ситуации.

– Мне очень жаль, что твой брак разваливается, но я ничем не могу тебе помочь. Ты совершаешь ошибки, которые невозможно простить.

– Развалился. Брак уже развалился. В тот момент, когда она раздвинула ноги перед другим. Остальное – вопрос времени. Пошлые шуточки – это единственное, что мне остается в моменте.

Дальше продолжаем завтракать молча, он о чем-то думает, я пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Когда он говорит серьезные вещи, выглядит взрослым интересным мужчиной, когда пытается шутить – полным придурком. Я ведь не делаю ничего плохого, общаясь с ним? Разговаривать – это нормально, люди так делают, в том числе разнополые.

Мне неудобно в его квартире сидеть на полу с его подушкой, зажатой между ног. словно я провела с ним ночь. Ушла возвращать кольцо, а сама заменила собой блондинку. Как мы докатились до такого? Пью я не часто, особенно крепкие напитки, но алкоголь не стал мне мстить за редкость встреч, уничтожая память. Я отлично помню вчерашний вечер и все, что говорил мне Егор. Хорошенько надравшись, он признал-

ся в том, где и как больно, подкупив откровенностью.

А еще любовью к жене. Да-да, он до сих пор настолько сильно ее любит, что каждый раз, когда видит, чувствует, как внутри разрастается дыра. Хочет коснуться ее, но не может, потому что знает – изменила. Причем не один раз, судя по тому форуму, где отмечала даты половых актов «жена ревнивца».

«Я боролся за нее годами, – говорил он мне во «Взрослой библиотеке». – Этот гребаный брак не достался мне легко, как само собой разумеющееся. Ксюша стала моим призом. Она... мне хотелось идти домой каждый вечер. К ней. А теперь я не хочу домой. Я вообще никуда не хочу. Меня постоянно поздравляют с будущим отцовством, друзья по-доброму подшучивают, мама вовсю примеряет на себя роль бабушки. Моей маме за шестьдесят, и это должен был быть... ее первый внук. А я просто знаю, что скоро на нас всех обрушится пи**ец, который кого не размажет, того покалечит. Но перед моей бурей нет затишья, ей предшествует исступление, которому нет выхода».

Поэтому я осталась. Просто не смогла бросить его в таком состоянии одного, прониклась проблемой, почувствовала.

«МЧ1 – это круто? Еще как! Это успех! – помню, как выкрикивал пьяный Егор на улице. – Спасибо, дорогая, почти

два года отношений – и вот благодарность! Спасибо, что не номер, блин, два! Выбился, бл*ть, в лидеры!»

Я встряхиваю головой, прогоняя воспоминание.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю.

– Как обычно – хочу убивать, – подмигивает. – Наверное, сегодня утром впервые чуточку меньше, чем обычно. Эта сука не постеснялась припереться и предъявить претензии. Договорились ведь, что не будем лезть друг к другу. Если я буду столько пить после каждой встречи с женой, то за эти месяцы впаду в алкокому. Кстати, хорошая идея, не буду о ней забывать на будущее.

Это ты еще не знаешь, что твой бар опустел, а вещи, возможно, уничтожены. Представляю, как он психанет, когда зайдет в квартиру и увидит. Но мне почему-то не страшно за Ксению, откуда-то я точно знаю, что ничего он ей не сделает, несмотря на то, что по габаритам в два раза больше и одним ударом кулака может просто убить хрупкую девушку. Если не сделал раньше, проигнорирует и сейчас. Уйдет молча. Я думаю о том, что сидящего напротив меня мужчину ждет еще один неприятный сюрприз. Можно подумать, ему без этого мало.

Он добавляет:

– Вдобавок еще и по морде отхватил, – в этот момент он мне подмигивает, а я чувствую, как розовеют щеки. Не считать, сколько раз он мне вот так же подмигивал со своего

балкона, а я улыбалась за мгновение до того как отвернуться. Как бы строя из себя недотрогу, одновременно давая надежду. А теперь я в этой самой квартире, вот только радоваться здесь нечему.

Да, с одной стороны Егор ведет себя недопустимо, а с другой... мало какой мужик поступал бы на его месте лучше. Он обычный, и неправильно его упрекать в этом. Вопрос не в том, согласен ли он принять чужого ребенка: ему изменили и он не собирается это глотать.

Я пытаюсь продолжать его презирать за секс на стороне и хамское поведение, но не получается. Его любимая женщина ему изменила, а он вынужден скрывать это, чтобы не навредить, возможно, чужому ребенку. Как знать, может, ему действительно даже поговорить не с кем.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он, прищурившись. – Мне кажется, ты шевелила губами.

– Что ты планируешь делать дальше?

– Поеду на работу, – он смотрит на часы, – через час нужно выдвигаться. Хочу успеть заехать домой переодеться.

– А вообще? В жизни.

– Ничего, а что я могу сделать? Я говорил с юристом: до того, как ребенку исполнится год, я не могу развестись без согласия Ксюши. Согласие она пока не дает. Тест ДНК в нашем случае возможен только после рождения. Так что если

отец не я, то я получу свободу лишь через четыре месяца, если ребенок все же мой – то через полтора года. Ждать, – он разводит руками.

– Это ведь... с ума сойти можно. Ты не сопьешься?

– А не похрен ли? – он снова злится, а я не могу понять, что сделала не так.

– Прошлым вечером мне даже в голову не могло прийти, что ты – в данной ситуации жертва. Что вообще мужчина, изменяющий жене, может быть жертвой!

– Я не жертва, я осел. Уникальный, потому что рогатый, – уголок его губ дернулся. Егор саркастично улыбается, а я хочу взять его руку, но не делаю этого. Не могу понять, что может толкнуть женщину изменить такому мужчине. Он привлекателен, судя по квартире и одежде – не беден. Не лишен самоиронии, с ним весело даже в этой невеселой ситуации. Однажды я тоже изменила своему парню, но мы не были женаты и у нас была совсем другая история. Другая ли? Прошел ли с тех пор хотя бы один день, чтобы я не пожалела о совершенном? Вряд ли. Интересно, переживал ли в то время Генка хоть на полпроцента так же, как сейчас Егор? Вспоминая себя ту, осознавшую, что произошло, понимаю, что я была в шаге от прыжка с моста.

* * *

Глава 2

Мистер Математик

Привет, блог.

Прежде, чем решить, стою ли я вашего времени, вы должны узнать обо мне несколько вещей. Во-первых, я не могу иметь детей. Ого, да? Вы такие сейчас: эм-м-м, ладно. Опускаете глаза, а сами не можете сдержать неудобную улыбочку. Вам кажется, это не та информация, которую стоит сообщать при знакомстве, но поверьте, именно та, оказывается.

Несмотря на то, что с десяти лет я был безнадежно влюблен в старшую сестру своего лучшего друга, я пытался строить отношения с другими женщинами и быть типа счастливым. Дважды я признавался в своей проблеме девушкам, которые до этого клялись, что хотят встретиться со мной старость. Одна из них минутой ранее согласилась стать моей женой. А потом они меня бросали, обозвав мудаком и заявив, что о таком стоит предупреждать заранее, чтобы нормальные люди не теряли время.

Окей, вы предупреждены заранее.

Во-вторых, я настолько мечтателен и наивен, что когда Ксюха забеременела, подумал, что свершилось чудо. Слово, обозначающее мой диагноз, едва помещается по длине

в строчку страницы А4, но врач намекнул, что в его практике случались удивительные вещи. Природа имеет медицину всевозможными способами под настроение, а основной инстинкт – на то и первый, что самый сильный. Давайте поспорим, если хотите. Я любил ее с нежных десяти лет, почему бы небу не сделать мне подарок за то, что сумел добиться женщины своей мечты?

Наивен, но не глуп. После счастливой новости я начал почитать сообщения в ее телефоне, просматривать историю браузера, иногда следить. Ну, для разнообразия. И, как выяснилось, не зря. Мы превратились в охотника-жертву, чем упорнее я догонял, тем искуснее она пряталась. Радовался будущему отцовству, как все уже поняли, я недолго, а точнее – двенадцать дней. Принимал поздравления, дарил жене подарки. А потом пришло время заслуженной расплаты за обман. Ксюше я не сознался, что бракован. Мне почти тридцать лет, ей тридцать четыре, я думал, у нас еще есть время побыть просто вдвоем, а когда вопрос встанет ребром, что-нибудь обязательно придумаем... вместе. Я, скажем так, был готов пойти на уступки. Но только не секс с другим. Е*ать, ну конечно нет!

Гребаный триндец, вот что происходит сейчас. Сука, ну почему? За что, блин, мне все это? Я не из тех, кто шантажирует любимых суицидом, мне ближе вылезти из кожи вон, доказывая, что все в полном порядке, а затем неожиданно всех удивить, сиганув с высотки на мокрый асфальт. Ино-

гда мне кажется, что вытерпеть такое невозможно в принципе, как и решить мои проблемы. Если бы я был семнадцатилетней ванильной белоснежкой, я бы просто все бросил и сбежал. Вместо этого с похмелья фигачу боксерскую грушу со всей дури, пытаюсь вымотаться до состояния бессилия, прежде чем пойти домой. Я солгал Веронике, нет у меня сегодня работы, полностью свободный день, еще один из череды многих, которые надо пережить.

* * *

– Что ты мне вчера за дурь подсунул? – вместо приветствия говорю тренеру, как только тот подходит ближе, чтобы прокомментировать мои удары. Тренер он так себе, как вы уже поняли, но дружим мы полжизни, поэтому менять его не собираюсь.

– А что? Не вставило? Или, наоборот, хочешь еще? – смеивается Илья. – Сильнее размах делай, что за бабы шлепки. Позорище, Озерский.

– Вставило нормально, но такого... – ударяю еще несколько раз, вкладывая последние силы, и останавливаюсь. Ловлю раскачивающуюся грушу, утыкаюсь в нее лбом, по которому крупными струится пот. Облизываю губы, и кажется, что он, пот, у меня с привкусом спирта. Говорю, запыхавшись: – Такого голода я не испытывал со времен турпохода на Байкал. Черт, я проснулся в шесть утра от того, что понял – подыхаю!

Залпом выпил два сырых яйца и сожрал пучок сельдерея!

– Кого?! – громко хохочет Илья. – Сельдерея? Это такая фиговина зеленая?

– Да, блин, зеленая! Сгрыз его, как чертов кролик, еще и пальцы облизал, пока ждал, когда раскалится сковородка для яичницы.

Он пополам складывается от смеха, пока я вытираю полотенцем шею.

– Откуда он у тебя вообще взялся?

– Димас забыл пакет с продуктами, я уже неделю их подыедаю в студии.

– А, ты в студии ночевал? Я думал, Ксюха снова у родителей, не кормит тебя.

– Не, Ксюха готовит, как шеф-повар, играет в домохозяйку с таким рвением, что мне иногда страшно. Она молодец, чувствую, мальчик никогда не женится, с такой-то мамашкой! Будет требовать от жены невозможное.

– Вы имя еще не придумали?

– Нет, решили с этим не торопиться.

– Слушай, Егор, – его голос становится тише, его почти не слышно за ударами и пыхтением парней, занимающихся поблизости, – ты же сегодня будешь у меня вечером? Я на тебя рассчитываю.

– Нет, дела.

– Ну смотри, если что – приезжай. Сауна, пиво... – он прослеживает мой взгляд, упирающийся в красотку на бего-

вой дорожке, – девочки – всё в плане у дядюшки Илюши. Санникова точно не будет, никто не узнает, – подмигивает он мне. Коля «Санни» Санников – это мой друг и брат Ксюши по совместительству. Раньше на развратных вечеринках у тренера мы зависали вместе, пока я не женился на его сестре, разумеется. Теперь о подобном не может идти и речи, хотя Илья по-прежнему упорно зовет меня второй год подряд.

– Все, я в душ.

– Ага, давай, торопись массажировать ножки своей королеве, – бросает он мне вслед обиженно, через шаг резко разворачиваюсь и с вызовом показываю ему сразу два средних пальца. Он смеется, я тоже криво улыбаюсь.

– Егор! – гаркает через весь зал, когда уже подхожу к раздевалке. Нехотя оборачиваюсь «ну что еще?». – Потерянный для друзей каблук, надумаешь – ток позвони. Без тебя не то.

* * *

Ксюша встречает у порога. Крошка моя уперла руки в бока, смотрит строго, не испытывать вину под пристальным взглядом этих серых глаз невозможно, но каким-то чудесным образом все же умудряюсь. В квартире приятно пахнет чем-то вкусненьким, и сама Ксения источает ароматы ванили и шоколада. Подозреваю, на десерт у нас будет торт. Безэмоционально целую ее в щеку, прохожу в свой кабинет, некоторое время оглядываю поломанное оборудова-

ние для звукозаписи, перевернутый стол, вздыхаю, сдерживая вспышки агрессии, они пятнами идут перед глазами. Га-шу. В коридоре и на кухне идеальная чистота, но мои личные вещи снова впали в немилость.

А что же происходит в спальне? Большой-большой секрет. Раз уж до кабинета добралась... Мучают неприятные подозрения. Да и какая разница? Что я, трусов себе новых не куплю?

Иногда, глядя на жену, я чувствую разочарование, но чаще пока еще – ревность. Я бы хотел однажды вылечиться и перестать ее ревновать, вырваться обратно во френдзону и на этом успокоиться. В френдзоне была категорически недоступна киска стоящей передо мной красавицы, но по крайней мере – всегда свободный вход на кокаиновые вечеринки тренера.

Она переминается за моей спиной с ноги на ногу. Самое время для рубрики «Минутка уныния». Засекайте (читать нужно быстро, уложиться в заявленное время – дело крайней важности): я бы хотел подойти к ней, крепко обнять и прижать к себе, прошептать на ухо, что никогда не брошу в беде, заступлюсь, кем бы ни был враг – когда дело касается ее, мне не страшно. И, разумеется, я помогу исправить любые ошибки, начать все заново. Любые да не любые. Все чаще я думаю, что самая большая Ксюшина ошибка – это я сам. Если бы она попросила меня уйти или хотя бы согласи-

лась поговорить начистоту, всем бы стало легче. Наверное. Она ведь знает, как сильно я ее любил, как меня трясло, когда получил доступ сначала к ее губам, потом к телу. В двадцать-то семь лет, можно подумать, у меня баб до этого не было. Было. Много, разных, и лучше, и красивее ее, и уже, и изящнее, и на одну ночь, и в попытке построить серьезные отношения. Я нервничал, она смеялась, а потом согласилась выйти за меня замуж, добавив: «Егор, я думала, ты никогда не позовешь уже!» А потом снова доказала, что имеет надо мной власть, раздавила парой поступков.

Если бы я знал, кто был с ней, я бы его убил, и мне стало бы легче. Ненадолго. Эмоциям нужен выход, блогеры пишут блоги, понятия не имею, как справляются остальные.

– Если ты извинишься за вчерашнее, я тоже извинюсь, Егор, – говорит она мне осторожно. Голос родной, нежный. Ей грустно. Мне не нравится слышать ее грустный голос, двадцать лет я тратил бесконечное количество часов, веселя и радуя ее, а теперь понимаю, что сам – причина ее печали, и ничего не могу поделать. Ей надо оставить меня в покое, пока я не сделал ей больно. – Егор?

У меня не получается самому разобраться в том, что происходит, могу только молчать и делать вид, будто тупой и не понимаю, что мы по кругу ходим, а под ногами ступеньки осыпаются, вот-вот кто-то первый ахнет вниз, и этот кто-

то будет не она, потому что, несмотря ни на что, ей упасть я не дам.

Мне нужна помощь, слышишь, блог?

Она решается, подходит и крепко обнимает меня со спины. Прикрываю глаза, чувствуя аромат ее духов. Прилив нежности внутри меня сменяется новой вспышкой агрессии, которую гашу. – Я понимаю, что тебе тяжело дается воздержание, я закрою глаза на твою интрижку. Тем более, что ничего ведь не было? Я успела вовремя предотвратить. А если и было раньше, просто не рассказывай мне, хорошо?

– Я сожалею.

– Только, пожалуйста, не позорь меня впредь перед подругами. Ты же понимаешь, что у меня есть определенный статус в глазах окружающих. Да, у нас не лучший сейчас период, но вот такими поступками ты ставишь точку. Пока что у нас есть шанс пережить это, но если ты не перестанешь, то потеряешь его. Потеряем мы вместе.

– Да, скандал – это меньшее, что нам сейчас нужно.

– Вот именно. Ты ночевал у мамы?

– Ага, – она никогда не звонит маме и не проверяет. Возвращаю на место стол, поднимаю микрофоны. Не сломано, просто брошено на пол. На всякий случай проверяю технику. После того, как Ксюша оказалась в интересном положении, она часто крушит мебель, мне велено спускать это на тормозах. Наверное, она тоже нервничает, понимая, что ребенок может оказаться не моим. Ей тоже не позавидуешь.

Малышка, вот зачем ты так с нами?

– Егор... я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – отвечаю заученную фразу. Я и правда ее все еще люблю. В доказательство замечу, что целых три секунды думал о том, чтобы смириться с судьбой, которую Ксюша для нас выбрала. Ну а что, у меня детей быть не может, а они нужны. И Ксюше, и моей маме, которой я обещал внуков. Но... я не смог продолжать с ней жить после измены, как раньше. Не могу и никогда не смогу, хотя и сказал, что поверил ее клятвам в верности.

– А мое кольцо? – спрашивает она, заглядывая в глаза. – Та придурочная, которая ударила тебя, должна была вернуть его. Только не говори, что она захапала его себе! Прости, это было лишним, просто... как увидела тебя с той блондинкой, с ума сошла от ревности.

Я достаю из кармана кольцо и надеваю ей на палец. Сердце бьется немного ускоренно – каждый раз, когда мы ссоримся, она возвращает мне кольцо, и каждый раз после примирения я снова надеваю его ей на палец, вспоминая ЗАГС, ее в белом платье и свое бесконечное счастье.

Я прошу ее выйти из кабинета, так как на почту пришла работа. Нужно ознакомиться и сдать сегодня. Это правда, показываю сообщение в ящике.

Вечером Ксюша умоляет заняться с ней сексом. Даже беременной она выглядит соблазнительной с полной грудью и

стройными ножками. Мое тело мгновенно откликается на ее предложение, но я говорю, что слишком устал в спортзале. Она тянется к моей ширинке, приходится перехватить ее ловкие пальчики, пресечь попытку опуститься передо мной на колени.

– Ну уж нет, я не позволю тебе сейчас стоять передо мной на коленях.

– Когда ты успел превратиться в зануду? – она улыбается. – Расслабься, давай попробуем. Может, именно этого нам не хватает столько месяцев, и отсюда берутся проблемы.

Отрицательно качаю головой. Мне хочется закрыть глаза и в следующее мгновение открыть их в студии или, как говорит Вероника, в «квартирке для траха». Припомнив наши словесные перепалки, я невольно улыбаюсь, Ксюша воспринимает это по-своему, ей кажется, что я даю зеленый свет, поэтому приходится сильнее сжать ее плечи и капельку встряхнуть.

Если я начну ее трахать, меня накроет окончательно и бесповоротно. Со всей навязчивой тягой к саморазрушению, на какую только способен человек, вообразу на своем месте другого и сказану ей что-нибудь эдакое. В лучшем случае. Ну, что думаю на самом деле. Она тут же позвонит моей маме, своей маме. Мы это уже проходили: «Егор, засунь свою тупую ревность себе в задницу, пока Ксюша носит нашего внука».

Что я и делаю.

Ежеминутно уже пять месяцев.

Возможно, мне не хватает решительности поставить ту самую точку, о которой она говорила выше. Всегда лучше, менее болезненно дернуть резко, чем тянуть медленно по сантиметрам, да ведь? Просто... С Ксюшей я... другой, даже друзья стебуются, обзываясь. Когда я добился ее, парни изрядно удивились моему новому образу жизни: кабаки, женщины, бухло... – все по-настоящему интересненькое потеряло привлекательность. Я действительно каждый вечер с упорством оленя шел домой, потому что мне хотелось находиться здесь, в этих стенах рядом с ней. Ксюша активно переделала мою квартиру под себя, вернее, под нас, мне было все равно. Надо мной подшучивали, потом успокоились, понимая, что бесполезно.

Эта женщина много лет являлась моим слабым местом, крепко держала за яйца, ничего особенного для этого не делая. Ради того, чтобы проводить ее до подруги или отвезти на вокзал, я мог отменить абсолютно любые планы. Наверное, поэтому и спешил жениться поскорее, потому что сам по себе был неспособен справиться с этой манией. Наваждением. Психовал каждый раз, когда видел ее очередного исключительного ухажера, и радовался, когда она разрывала отношения. Семнадцать лет я был просто другом ее младшего брата, основательно засев во френдзоне. А потом я сотворил невозможное и теперь захлебываюсь последствиями.

Надо набухаться где-нибудь подальше от нее. Р – рефлексия.

Я ей отказываю по возможности мягко, но Ксюша словно с цепи срывается.

– Ага, значит этой ночью ты все же трахался со своими шлюхами?! – вопит она.

– Ты считаешь, что это бы как-то на мне отразилось? – пытаюсь свести все в шутку, но Ксюша не в настроении. Я живу с ней, продолжаю о ней заботиться и давать деньги, я сопровождаю ее во время поездок к родителям или куда-то еще, даже вечером смотрю вместе с ней сериалы, обнимая. Единственное, что я не могу делать – это спать с ней. Огромное счастье было, когда врач не разрешал ей вести половую жизнь. Уже думал о том, чтобы приплатить ему за какой-нибудь лишний диагноз.

– Только не говори, что ты все еще сомневаешься в отцовстве! – вспыхивает она. – Ну давай сделаем тест немедленно, прямо сейчас поедем и проколем мне живот. Рискнем. Давай, чтобы тебе спалось спокойнее. Но имей в виду, тогда я уйду от тебя навсегда. Если ты мне не доверяешь, если думаешь, что я способна на такое... – она снова начинает плакать, – Егор, если ты так унизишь меня, на этом все закончится. Абсолютно все между нами.

Несколькими днями после происходит следующее.

– Привет, что делаешь? – радостно приветствует меня кокаиновый тренер, как только я отвечаю на его входящий с мобильного.

Штрихую черным фломастером на плакате слово «сиськи».

– Читаю переводы, разумеется, – отвечаю ему.

– И распеваяешься? До-ре-ми... – от души фальшивит в трубку, да так громко, что приходится отвести ее от уха.

– Как ты догадался?

– Ксюха близко?

– Не-а. В последнее время она не дает мне сосредоточиться. В студии я.

– О, отлично. Может, подьедешь? Мы тут с пацанами решили поиграть в бильярд. Внезапно.

– А кто за меня сделает работу?

– Например, ты, который встанет пораньше и все успеет?

– А, ладно, сча подумаю.

Сбрасываю вызов, выхожу на балкон и разворачиваю свой ватман с яркой надписью черными буквами на желтом фоне:

«!!Ну покажи сиськи!!»

Вероника целую секунду пораженно смотрит на меня с балкона напротив, я начинаю беспокоиться, не переборщил

ли, но она вдруг сгибается пополам. А когда выпрямляется, я вижу, что она хохочет. Заливисто, заразительно, в полный голос. Вытирает пальцами уголки глаз. Воодушевившись и зажав сигарету между губ, я прикрепляю скотчем плакат к окну, затем жалобно смотрю на соседку, сведя ладони в умоляющем жесте.

«Неужели не осталось ни одного порно, которого ты еще не видел?» – пишет она мне в ватсаппе.

«Не-а. Чета медленно его снимают».

Она улыбается, когда читает это сообщение. Пишет в ответ. Пишет и пишет, стирает, снова пишет.

«Ну же, – отправляю ей, – смелее».

Она показывает мне язык. Я поглядываю на нее в маленький бинокль, который раздобыл специально для этих целей. Наши балконы расположены близко, но не настолько, чтобы досконально улавливать мимику. А мне же интересно.

«Что тебе от меня надо, Егор? Только честно».

Тыкаю пальцем на плакат, смотрю на нее, как на недалекую. Она закатывает глаза. Ну же, девочка, знаю, что ты смелая и безбашенная, и что ты сделаешь это. Давай, не стесняйся. На улице тепло, не замерзнешь, тем более – это будет вызов, а что в нем плохого? Вероника, давай бунтовать вместе? Передо мной не стыдно.

«С какой вообще стати мне это делать?»

«С той самой, что мы друзья. И ты обещала меня поддерживать».

«Мы разный смысл вкладываем в слово «поддержка».

«Ну, пожалуйста. Ты согласилась со мной дружить при условии, что я не стану больше изменять жене. Я держу слово. Но я... на пределе. Как друг, ты обязана поднять мне настроение».

«Егор, прошло четыре дня!»

«Очень несчастных и грустных четыре дня».

Делаю несколько сильных затяжек, а сам держу телефон наготове.

«Пожалуйста. Я погибаю, Вероника», – отправляю ей и включаю камеру.

«Да ну тебя», – присылает она мне смайл «рукалоб». После чего поворачивается спиной и стягивает майку. Без лифчика! По спине каскадом рассыпаются длинные черные волосы. Эта девочка – сумасшедшая, честно говоря, я от ее смелости и непредсказуемости в диком восторге.

Она показывает палец, два пальца. Три. У меня пот выступает на лбу от напряжения. Вероника резко поворачивается. Я щелкаю ее на телефон, в следующее мгновение она приседает, пряча от меня красоту за бортиком балкона. А я жадно всматриваюсь в экран мобильного, торопливо увеличивая изображение. Фотка получилась, еще как! Еще какая! Вот только один минус – Вероника показала грудь, но спрятала лицо за книгу «Преступление и наказание».

Федор Михайлович хмуро смотрит на меня с обложки, причем так, словно осуждает. Вот не надо ля-ля, дорогой ге-

ний, в моем возрасте вы еще и не так отжигали.

«Ты фотографировал на телефон! – Вероника присылает мне сообщение с разъяренными смайлами. – Такого уговора не было!»

«Егор, перестань пялиться в телефон!»

«Егор, подними на меня глаза! Как тебе не стыдно!»

Не отрывая глаз от телефона, я показываю ей большой палец, облизываю губы. Затем делаю вид, что облизываю экран сотового. Она присылает мне:

«Ты даже не стараешься казаться лучше».

«Отличные сисечки», – отвечаю ей, снимаю плакат, разворачиваюсь и ухожу в комнату.

«Эй, ты куда пошел?»

«Ты чем там занимаешься?»

«Егор, ты мерзкий человек».

«Спасибо, ты настоящий друг», – отвечаю ей. Размышляю секунду и добавляю: «если понадобится моя «поддержка», пиши, не стесняйся».

«Даже не сомневаюсь, ты только рад будешь».

Вероника забавная. Так сложилось, что о ней я не знаю практически ничего, кроме имени, адреса и веса – действительно ведь тащил на руках. Зачем, правда, не помню, накурился до такой степени, что не соображал, что делаю. Но в то же время она – единственная, кто знает, что на самом деле творится в моей жизни, и действительно поддерживает меня. Когда мне скучно, я начинаю подкалывать ее, и обычно она

ведется! Не знаю, надолго ли хватит нашей эдакой дружбы, но, наверное, такой человек мне сейчас не помешает. Готовый выслушать.

Пара слов, чтобы лучше понимать масштаб проблемы. С Ксюхиным братом Колькой мы крепко дружим много лет, у меня нет компании, в которую он не был бы вхож, и у него – аналогично. Мы росли вместе, жили в соседних подъездах, ходили в один класс. Когда я начал встречаться с Ксюшей, он предупредил: обижу ее – он меня уроет. Наши мамы тоже неплохо ладят, часто созваниваются, отцы вместе работают. Оно и понятно – много лет соседи, дружим семьями.

Однажды правда погубит огромное количество связей, выстроенных десятилетиями. Все очень, очень непросто. Иногда мне даже страшно. Немного. А потом я представляю свою маленькую девочку под каким-то мужиком, и меня кроет. Слепляет. И я готов разорвать свой ошейник и вцепиться в глотку тому, кто окажется поблизости.

Ваш ММ

Глава 3

Вероника

Помогать искренне и безвозмездно – дело хорошее. Но у помощи есть и вторая, темная сторона, на которой живут ненавязчивость и уместность, поэтому я никогда не пишу ему первой, хотя иногда хочется. На сообщения отвечаю быстро, а присылает он мне их – часто. Ерунду всякую, конечно, Математик в своем репертуаре. Анекдоты дурацкие отправляет, где только берет? Задает недопустимые вопросы, которые игнорирую. Сам же на них остроумно, по его мнению, отвечает. Иногда поделится геометрической задачей... угораздило же меня тогда признаться, что он похож на мою первую любовь! Платоническую, разумеется. Ему скучно, ну и мне хоть какое-то развлечение. Его голос продолжает терзать меня, но я никак не могу вспомнить, где слышала его раньше.

Однажды ночью проскользнула мысль, что реинкарнация существует, и я знала Егора в прошлой жизни, отсюда мгновенная беспочвенная симпатия и ощущение, что мы давно знакомы. Круто, не правда ли? Лучше никому не рассказывать, о чем размышляешь во время бессонницы.

Когда он ночует не в квартире напротив, я задаюсь вопросом, помирились ли они с женой? Мне кажется, их воссоединение – вопрос времени. Из семьи уйти не так-то просто, тем более, у Егора куча прочих сложностей, связанных с браком. Не знаю наверняка, но вроде бы он работает с Ксюшиным отцом или что-то в этом роде. Он мало рассказывает о себе, практически не спрашивает обо мне. Вообще не понимаю, зачем мы продолжаем общаться. Для себя я определила точно – на его подоконнике нет и никогда не будет местечка для моей пятой точки, поэтому каждый мой день начинается с мысли: «больше он не напишет, и ладно, я знала, что так будет», – умываюсь, собираюсь на работу. А на работе мне есть чем заняться.

Есть черные полосы, есть белые, но моя нынешняя – как будто в крапинку! Вроде бы и успех, если посмотреть на размер заработной платы и довольно высокий уровень ответственности, но и провал одновременно по всем фронтам. Я снова вернулась к тому, с чего начала. Оказалась в том самом месте, с которого несколько лет назад всей душой, всем сердцем мечтала вырваться.

Я даже с подругами не могу поделиться! Они у меня слишком суеверные, боюсь, не примут подобного повышения.

Провал школьных выпускных экзаменов перечеркнул планы на поступление, я осталась дома на целый год ждать

следующей возможности, а чтобы не терять время, приняла предложение дяди помочь ему в бизнесе и устроилась в его бюро ритуальных услуг, параллельно учась на курсах фитнес-инструктора, мечтая поскорее убраться отсюда подальше. В семнадцать лет девушка меньше всего на свете хочет хоронить людей. Я мечтала о беззаботной, яркой студенческой жизни, трудных сессиях и флирте с одноклассниками. А затем, после выпуска, я бы работала в офисе на молодого симпатичного начальника, который бы души во мне не чаял, носила бы узкие юбки и черные туфли на каблуках, сидела с умным видом за компьютером и улыбалась сложным шуткам коллег. В этом направлении я упорно двигалась год за годом, но месяц назад дядя сильно заболел, слег, а я как раз потеряла работу. И ситуация повторилась.

Прошло семь лет, а я снова здесь, в этом печальном зале, делаю все необходимое для тех, кто потерял любимых. Я больше не помощница, а хозяйка, у которой три человека в подчинении, а также на чьей шее бухгалтерия и строгие указания дяди, как не завалить дело всей его жизни.

Я ни за что на свете не хотела сюда возвращаться, но родные уговорили. Глупо отказываться от блестящего дохода, и дяде помочь нужно – у него больше никого нет, кому можно довериться. Опыт у меня имеется, а возможность альтернативной занятости на данный момент – отсутствует.

И все бы ничего, недавно в помещении сделали ремонт:

перекрасили стены, закупили новые стенды, переделали вывеску, сделав ее... хм, современнее. Дядя повесил кондиционер, за окном жара, а у меня тут прохладно и свежо, свет приглушенный, много красивой ткани... люди приходят разные – кто-то только кивает, кто-то торгуется или начинает спорить. Я стараюсь со всеми найти общий язык, да от меня и требуется не так много. Делаю работу, которую кто-то должен делать, и мои клиенты это понимают. Никакого кипиша, размеренная жизнь, непрерывный поток посетителей. Я бы ни за что на свете не стала жаловаться, если бы не...

...Не появился один тип. Старый знакомый. Честно говоря, я едва не рванула в соседний зал прятаться в одном из новеньких гробов, простите за черный юмор, когда увидела около своего стола Августа Рихардовича. Происходящее поистине ужасно. Я замерла, узнала с полувзгляда, и от шока забыла, что сильно изменилась с нашей последней встречи.

...Мне снова семнадцать. Я расстроена и считаю себя полнейшей неудачницей, вечерами вожу бритвочкой по запястью, как бы проверяя – смогу или нет. Стыдно смотреть в глаза маме. Стыдно выходить из дома и вообще существовать. Провалила экзамены, написала математику на два, в аттестате натянули тройку, но слухи разлетелись моментально. Едва закончила школу, безнадежная, одна из худших. Позор школы.

Прогоняю видение, флешбеки мне сейчас точно ни к чему.

Август Рихардович, которому сейчас под сорок, выглядит представительно и добродушно, но в душе... худший человек из всех, с кем мне доводилось знакомиться.

Он был первым дядиным клиентом, когда я только приступила к работе. Пришел одним жарким июльским денечком, строил глазки, источал комплименты. Его сладостные речи проносились вокруг меня, как вагоны бесконечного поезда. Успевай считать! В раннем детстве я думала, что некоторые поезда не имеют завершенности, они зациклены, к последнему вагону прицеплен первый. Мы так редко и так быстро проезжали мимо единственных путей в нашем районе, что я ни разу не видела, как заканчивается поезд, не смотрела ему вслед. Но на свете абсолютно все заканчивается, и это, честно говоря, лучшие новости пятилетки.

Август скупал все самое дорогое, не жалея денег. В общем, произвел впечатление на подростка. Оформлением занимался дядя, я только помогала принеси-подай. И в то время мне не много нужно было – капельку внимания и намека на то, что я особенная. Август заверил, что помогает другу устраивать похороны бабушки, я тогда подумала – какой благородный.

Навешал мне лапши на уши, заставил чувствовать себя красивой, а я бросилась на этот поезд, закрыв глаза и распахнув душу. Представьте только, все подружки-одноклассницы наслаждались студенческой жизнью, а я здесь... одна... в этом мрачном месте.

А потом выяснилось, что Август хоронил супругу. Свою. Я думала, умру от стыда, когда правда прояснилась, причем разоблачение произошло публично! Наш поцелуй застукали родители усопшей, которые пришли вносить деньги за памятник! Подняли скандал, дядя тогда чуть не выставил меня на улицу. Никогда не забуду, как плакала мама, причитая, что я наследую ее судьбу. Август же, получив, что хотел, бесследно пропал, оставив меня один на один с ощущением брезгливости по отношению к себе.

Но я справилась с этим. Пусть не сразу, но сумела вернуть веру в себя и в свои способности. На следующий год поступила в колледж, параллельно работала фитнес-инструктором, помогала маме. У нее, кроме меня, никого нет, и подвести ее я не имею никакого права. Мамочка всю жизнь работала, чтобы поставить меня на ноги, и для меня нет большей радости, чем видеть ее улыбку. А когда я согласилась снова взять на себя этот бизнес, она не только улыбалась – мамуля хлопала в ладоши!

И вот этот тип появился снова, уточнил о скидке, как постоянному клиенту. Подмигивал и требовал те же бонусы, что были ему предоставлены в прошлый раз.

Когда я увидела его насмешливое выражение лица, то потребовала немедленно выметаться вон! Но он позвонил дяде, и тот заставил меня подчиниться.

Этот человек вновь не сожалел об утрате уже второй жены, пытался подкатывать. Когда я узнала о цели его визита, испугалась по-настоящему. Даже Сережа, мой помощник и художник по совместительству, заметил, что со мной что-то не так, подошел ближе, встал позади, скрестив руки, и прошептал: «Ты окей?». Ничуть не удивлюсь, если Август имел какое-то отношение к своему очередному вдовству.

Мне, конечно, уже не семнадцать, я смогла поставить его на место ледяным профессиональным тоном, но он... продолжал отпускать свои шуточки и намеки, и это было невыносимо. Мои руки стали ледяными, вспотели. Если пошлые глупости Озерского казались безобидными шалостями, которые можно прекратить в любой момент, Август задавил меня вниманием, не давая возможности избежать этого.

Если бы у меня был старший брат или муж, я бы позволила кому-то из них немедленно. Обоим сразу.

На следующий день после оформления заказа, Август пришел снова и объявил, что похороны переносятся. Появилось подозрение, что жена была убита, и запросили какие-то дополнительные исследования. После этого находиться с ним в одном помещении стало и вовсе невыносимо.

– Может, поужинаем вместе, Вероника Павловна?

– Вы правда думаете, что это возможно в принципе?

– Нет, но попытаться стоило. Вам же здесь скучно, как и тогда, семь лет назад. Не так-то просто подыскать парня с

подобной работенкой, да?

– Благо вы здесь частый гость.

Он смеялся, а мой палец лежал на кнопке вызова охраны, сердце колотилось, как безумное.

Работа как работа, такая же, как и все остальные. Испугало повторение. В прошлый раз я тоже пробыла здесь меньше месяца, когда появился Август. Дежавю. Словно за все эти годы ничего не изменилось, но ведь это не так! Тогда – я была несчастным, морально раздавленным ребенком, сейчас перед вами – взрослая, состоявшаяся неудачница, которая скрывает от друзей, чем зарабатывает на жизнь, и помогает парню, за которым была замужем в прошлой жизни, вернуться в семью. Мне определенно есть чем гордиться.

В школе я была активной, веселой, ходила на миллион кружков, постоянно чем-то занималась! У меня много подруг, с которыми мы часто созваниваемся и которые непременно примут мой новый образ жизни. Однажды. Август скоро исчезнет и все наладится.

Я снова на своем балконе, пью чай с шоколадкой, взятой из холодильника. Нуга застыла, едва тянется – ужин чемпион. В окнах Егора горит свет. Вижу силуэт, он движется туда-сюда. Уже стемнело настолько, что во дворе зажгли фонари, а у Озерского по-прежнему нет занавесок, будто ему нечего скрывать.

Моя соседка с пятого этажа подъехала к подъезду на своей красной маленькой машине, вышла на улицу и ждет. Я уже знаю, что ждет она своего парня, который спускается несколькими минутами позднее. Он целует ее в щеку, якобы незаметно ударяет по заднице. Он делает это каждый раз, и каждый раз она отпрыгивает, но не успевает увернуться. Затем он садится за руль и паркует ее машину. В это время я обычно пью чай дома, поэтому частенько наблюдаю за ними: она приезжает с работы и ждет, пока он выйдет и поможет припарковаться. Потом они вместе, обнявшись, идут в магазин или в подъезд. Люблю эту пару, мне кажется, есть в них что-то правильное, настоящее. Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

Тем временем Озерский снова что-то делает на кухне.

Пытаюсь понять, Математик один или с кем-то? Егор потребовал, чтобы я терпела его, и двенадцать дней держит слово – никого из девушек не приводит. Может, конечно, развлекается на стороне, но много мне чести – терять деньги за съемную квартиру, чтобы не лишиться моей сомнительной поддержки. Сегодня он практически не писал мне, видимо, был чем-то занят.

Каждое его сообщение открываю, мысленно готовясь к фразе «Мы с Ксюшей помирились, ты была права, она замечательная!». Я бы радовалась за него, честное слово! Рыдала бы от счастья.

Егор выходит на балкон с сигаретой и стаканом, наполненным каким-то темным напитком, полагаю, алкогольным. Опять пьет – тяжело вздыхаю. Я пробовала осторожно говорить о Ксюше с подругами, попыталась выяснить, что она за человек, но ничего полезного узнать не удалось. У нее свой свадебный салон, в котором она щедро пообещала сделать нам всем скидку в тот вечер, когда они с девочками отрывались на вещах Математика, а он таскал меня на руках по всему району. В ту ночь мы много говорили о браке Егора, но у меня было четкое ощущение, что его жены не существует...

Ее и правда будто не существует здесь, в мире, где есть только два наших балкона, расположенных напротив друг друга.

Саша в Ксюше души не чает, но общаются они в лучшем случае раз в полгода – маловато, чтобы разобраться в ситуации. Расспрашивать активнее я пока не решилась, Саша и так вчера отнеслась ко мне настороженно, спросила, продолжаю ли я наблюдать за соседом. Это было неприятно.

Озерский вливает в себя виски, как воду. Сходил за вторым стаканом. Он вообще бывает трезвым? Приветливо машет мне, я тоже киваю. Обычный вечер, мы часто так «перемахиваемся» в последнее время.

Но что-то в его внешности не то. Слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но следуя интуиции и порыву, я пишу ему первой: «Скинь селфи».

На всякий случай уточняю: «лица».

Он хохочет, прочитав мое сообщение. Ну а что? С него станется!

«Зачем это? – отвечает тут же. – Соскучилась? Приходи». – Прикольно наблюдать, как он пишет мне, стоя напротив. Вижу, что общается только со мной. Будто тянется... что ли? Мне горячо от его простого предложения, чувствую себя взволнованной. Боже, ну почему ты женился до встречи со мной?! Ну куда ты так поторопился, дурак?!

Я бы пришла. Ты стал бы моим главным секретом от мамы.

Его расслабленная поза, опущенные плечи, когда он, опершись на бортик, набирает мне сообщение, хитро поглядывая исподлобья, будят внутри то самое, что я пытаюсь заставить сдохнуть уже почти две недели. Я хочу заняться сексом, но не хочу другого мужчину, а этого мне нельзя. А когда нельзя, но хочется, то больше ни о чем не думается. Ну вот, мне все еще жарко, еще немного – и впору будет пойти поменять белье.

«С моего ракурса кажется, что у тебя лицо опухло», – набираю ему сообщение.

«С твоего ракурса не рассмотреть лицо. Ты меня пугаешь, Вероника».

«У тебя все хорошо?»

«Будешь смеяться».

«Неужели у тебя, наконец, появилась смешная шутка? А ну-ка удиви!»

В свете окон не видно, но, спорю, он закатывает глаза.

«За языком следи, милочка, а то оторвут», – отвечает без смайлов и скобок. Это грубо. Кровь мгновенно устремляется от низа живота к лицу, бьет по щекам алой краской. Черт. Обидно. Зря я ему написала. Никакие мы не друзья! Разворачиваюсь и ухожу с балкона, он ничего не пишет больше. Вижу сквозь штору, что докуривает сигарету, некоторое время еще смотрит вниз, затем тоже возвращается в квартиру.

Так тебе, блин, и надо! Очень осторожно, чтобы не вызвать Сашиных подозрений, я навела кое-какие справки об Озерском. Оказывается, никакой он не филолог, а вообще сценарист на одном не слишком популярном телевизионном канале, но зарабатывает неплохо. Талантлив, но проблема в том, что раздолбай, поэтому особого прогресса не достиг, пока не женился. И вообще до свадьбы (а мы с вами знаем, что и после нее) вел довольно разгульную жизнь, несколько лет его можно было охарактеризовать единственным словом «перспективный» или, иными словами, на данный момент – никто. Из года в год ничего не менялось, но после брака с Ксюшей карьера встрепенулась и поскакала в гору. Саша заявила, что он с ней ради денег и связей Ксюшиного отца, но я бы не стала делать выводы раньше времени. Саше он не понравился сразу, из ее уст я не слышала ни одного доброго слова о своем Математике.

Никакой он не мой. Пусть катится на все четыре стороны. Я принимаю горячий, насколько только возможно вытер-

петь, душ, сушу волосы, надеваю пижаму и тут получаю от него: «Приходи ко мне».

«Почти одиннадцать, Егор. Ложись спать».

«Пожалуйста».

«Сегодня я не в настроении следить за языком».

«Пожалуйста. Можешь не следить, а вот я – буду, обещаю».

«Спокойной ночи, Егор», – а сердце предательски ускоряется. Он впервые предложил встретиться после моей ночевки в его квартире «для траха».

«Мне не помешает друг». И он присылает комичное селфи, синяк на скуле крупным планом, дурацкая широкая улыбка. Рыдать впору от того, как сильно он меня бесит. Но вместо этого я продолжаю диалог:

«Боже... Кто тебя так?»

«Поговорил с женой».

«И она тебя избила? Вау»

«Ну же, Веро. Не бойся, ничего с тобой страшного не случится, ты уже у меня ночевала, вышла невредимой. Еще и накормленной».

Я далеко не самый грамотный человек на свете, но читая смски Егора, в которых он идеально правильно, на мой взгляд, расставляет знаки препинания, пишет частички «не-ни» и даже не забывает мягкие знаки в глаголах после шипящих – испытываю восторг.

«У меня тоже был кошмарный день. Приду, если скажешь,

что у тебя есть пиво», – пишу ему. Отправляю и зажмури-
ваюсь.

«Ну, этого пошла всегда навалом!»

Натягиваю джинсы, белую майку, кеды и выхожу из квар-
тиры. Мешкаю. Захожу обратно и бросаюсь в ванную, по пу-
ти скидывая одежду. Руки дрожат. Несколькими быстрыми
движениями бритвы делаю свои ноги абсолютно гладкими,
тянусь в сторону кружевного белья, и обрываю себя на этом
движении. Что я творю?!

Егор легкий на подъем, простой в своих желаниях, и я
по-прежнему не сомневаюсь, что растаять в его руках будет
огромным наслаждением, но я так не могу. Не хочу и не ста-
ну. Но не пойти тоже нельзя, я не способна отказать себе в
слабости побыть еще немного рядом с ним в качестве друга.

Я ненадолго.

Мой Математик в расстегнутой рубашке стоит на балконе
и смотрит на меня сверху вниз, как бы контролируя, чтобы
никто на меня не напал. Можно подумать, в случае опасно-
сти он бы бросился вниз с девятого этажа и помог.

А может, и бросился бы – такие, как он, способны на глу-
пости. Именно поэтому я иду. Поддержать, помочь, не бро-
сить в беде.

Когда я вижу его в узком коридоре небольшой съемной
квартиры, понимаю, что больше не желаю с ним дружить ни

единой секунды. По-прежнему расстегнутая рубашка, низко посаженные джинсы, искренняя радость во взгляде от того, что я все же пришла. Я смотрю на его губы, потом на шею, но хочу большего. Я вижу темные волоски на груди, широкую дорожку, уходящую к пупку и ниже. Как только за мной со щелчком захлопывается дверь, он делает широкий шаг вперед и обнимает. Вот так просто, будто так и надо.

Некрепко обнимает, но настойчиво, принуждая уткнуться ему в грудь. Этого хватает, чтобы понять – зря не взяла с собой запасной комплект белья. Это безумие, я самоубийца! Сама себя загрызу утром. Я себя уничтожу. Трындец тебе, Вероника. Я снова влажная между ног, и мне жарко, мне надо снять все это, чтобы избавиться от этого бешеного жара. Я дрожу в его руках, я так давно мечтала об этом, что от перспективы предстоящих ласк кружится голова. Одна его ладонь на моих лопатках, другая – на пояснице и ниже. У него большие руки, они будто не помещаются на моей спине, каким-то образом несколькими безвинными движениями ему удастся всю меня облапать. Бедра, попа, грудь... С ним естественно и классно. Мне не нравится, как он пахнет – алкоголь и сигареты, но сквозь дурман, присущий разгульному образу жизни, я пытаюсь распознать аромат его кожи, перемешанный с туалетной водой или гелем для бритья. Хотя откуда последнее? Он по-прежнему обросший, борода уже даже не колется. У меня не получается, и я касаюсь кончиком языка его соленой кожи.

Он обхватывает ладонями мои бедра и сжимает, приподнимая меня от пола. Узкие джинсы впиваются в самую нежную кожу. Чтобы скрыть стон, я говорю по возможности серьезно:

– Егор, тебе нехорошо? Ты пьян? – отстраняюсь, пытаюсь поймать его мутный взгляд. Скула подбита, но не сильно. Кажется, на фото он специально затемнил эту часть лица. Его ресницы опущены, он берет меня за затылок и тянет к себе, и нет никаких сомнений, что с целью – поцеловать. О Боже. Наверное, его рот горячий, поцелуй будет влажным и глубоким. Он заведен. Как он это делает? В смысле – расслабляет девушек, готовит?

– Егор, пожалуйста, не нужно. Я же не для этого пришла, хороший мой, – ненавижу себя за то, что шепчу, и как именно это делаю. Таким жалким тоном не говорят «нет». Скорее: «умоляю, надави, ты ведь знаешь, я сама жажду этого».

Каким-то образом за эти недели он перестал быть мне чужим, я поверила ему. Вжилась в его проблемы, прониклась симпатией. Отворачиваюсь, но Егор не обижается, он наклоняется и его губы касаются моей шеи. Поцелуи легкие, язык едва касается кожи, заставляя трепетать, он не спешит. Руки тем временем совсем теряют стыд. Все происходит так быстро, что я не успеваю сориентироваться.

Отклоняю голову, стараясь отодвинуться, и он целует мое горло. Ладони нежно, но настойчиво продолжают обнимать.

Он большой, горячий. Доминирует, но не заставляет, это идеальное сочетание. Я чувствую жар его открытой кожи, ощущаю его желание заняться со мной любовью. Он возбужден, и я знаю, что если сдамся сейчас, то секс будет хорошим. Очень хорошим. И желанным, потому что Математик мне действительно нравится. Ночь с ним будет даже лучше, чем я представляла изначально, воображая себя в высоких шпильках.

Но затем, наутро, станет гадко. Ему – нет, мне – очень сильно.

– Пожалуйста, перестань. Я вижу, что тебе плохо, но я здесь за тем, чтобы поддержать, а не довести до оргазма. Прекрати. – Мои пальцы впиваются в кожу на его груди, и я, вложив в руки всю свою силу, все-таки отстраняю его. Он не принуждает, но и не прекращает попыток ласкать мое тело, замечая, что оно охотно откликается.

– Ты же пришла ко мне. Расслабься, все будет хорошо. Вероника, пожалуйста, позволь мне. Нам понравится.

– Мне – нет, – говорю строго и громко. Для эффекта испуганно выпучиваю глаза, и он пугается сам. Замирает, отстраняется и смотрит на меня внимательно. Полностью серьезен, как тогда, когда мы познакомились. У меня колени подкашиваются от этого его взгляда.

– Тогда зачем ты пришла? – вопрос укладывает на лопатки. Второй раз за вечер я осознаю себя полной идиоткой, которая возомнила себя незаменимой спасительницей для это-

го ищущего на стороне развлечений женатого мужика. А может, он мне наврал с три короба? Может, ребенок его и все у него с женой хорошо? Просто придумал способ затащить меня в койку? Меня передергивает, я делаю шаг назад.

Он обычный среднестатистический мужик, нечему тут удивляться! Но так хотелось поверить, хотя бы на какое-то время...

– Видимо, незачем. Извини, больше не повторится, – разворачиваюсь, готовая в следующее мгновение пулей вылететь из квартиры, но он хватает меня за руку.

– Стой, извини. Я просто подумал... что ты... ну, не против. Проехали. Проходи, я обещал пиво.

Но я не могу, меня трясет. Слишком трудный, грязный день, который закончился таким кошмарным образом.

– Я пойду. Не следовало приходиться. Глупость какая. Увидела твой синяк и решила, что тебе не с кем... блин, просто забудь.

– Да стой же, – он все еще держит мою руку, выдернуть невозможно. Вот теперь он на меня давит. – Неправильно понял, что теперь, обижаться на меня до конца своих дней? Объявить бойкот?

Егор дергает меня на себя, я выкручиваюсь, и он обнимает со спины, и я солгу, если скажу, что это неприятно. Действительно по-дружески обнимает, хотя я и чувствую его эрекцию, упирающуюся чуть выше моей задницы.

– Прости, – шепчет в затылок. – У тебя был такой взгляд,

будто я предложил тебе потерпеть, пока я на тебя пописаю, – я улыбаюсь против воли. Ну что за придурок мне достался в соседи! Не могла я такого выбрать в прошлой жизни, наверное, нас поженили родители. – Секс без обязательств, просто для снятия стресса – не для тебя, верно?

Честно говоря, это еще один удар наотмашь с его стороны, но я по-прежнему стою к нему спиной, и он не может видеть отразившиеся на моем лице эмоции. Кажется, я побледнела.

– Я бы не хотела секса, после которого наутро просыпаться не хочется, – говорю ему тихо.

– Такого не будет. Ты мне нравишься. Я не готов начинать какие-то отношения, это правда, но я действительно ни за что бы тебя не обидел. Я вообще никогда не обижаю женщин, ну, кроме тех, на которых помешан, – он говорит с улыбкой.

Он вроде как успокоил, но на самом деле обидел еще сильнее. Усилием воли запретила себе хоть как-то это показывать. *Она* – особенная, на ней он помешан. *А меня* не обидит ни за что, потому что – безразлична.

– Егор, на будущее – у меня есть принцип: я не встречаюсь и уж точно не сплю с женатыми мужчинами, – проморгала слезы, вполне готова оборачиваться, что и делаю. Мы стоим напротив друг друга, но жар пропал, теперь мне холодно.

– Почему? – из его уст этот вопрос прозвучал действительно невинно.

– Мне кажется, это нормально, – пожимаю плечами, от-

вода глаза.

– Нормально, но для категоричности должна быть причина. Ты была замужем? Или отец устраивал веселые денечки?

– Второе, – обогнув его, я прохожу на кухню, выиграв медаль за прочность. Почему не устраивают ежегодное вручение премий и наград женщинам, сумевшим отказать Математикам своей мечты? Заглядываю в холодильник и достаю пиво. Протягиваю ему, Егор послушно открывает и возвращает мне. После чего, спохватившись, поспешно застегивает пуговицы на рубашке. – Так кто тебя отделал? Расскажешь? – стараюсь, чтобы мой голос звучал по возможности ровно.

– Ксюхин брат.

– Ого!

– Мы до сих пор иногда деремся, это нормально. В зале. Он вспльчив. И занимается боями без правил.

– Ой, бедненький! – вытаращиваю на него глаза.

– Я тоже спортсмен в прошлом, а сейчас любитель, все пучком, – он берет мое пиво и делает большой глоток, я вижу, как дергается его горло, потом возвращает бутылку. – Твой отец ушел из семьи к другой женщине? – спрашивает он, меняя тему. – Мы, кажется, давно говорим на личные темы. Если не хочешь продолжать, просто пошли меня нахрен.

– Иди нахрен.

Он закатывает глаза и широко улыбается. И мне вдруг захотелось рассказать ему:

– На самом деле, он не ушел из семьи. По статистике, мужчины практически никогда не уходят из семей к любовницам, они могут изменять, жить на две семьи, на три, на двадцать три! Но первую – главную женщину – не бросают. Свою главную женщину папа тоже не бросил ради мамы, но дал ей денег на аборт, – указываю на себя двумя большими пальцами. А что, терять нечего, почему бы не разныться под конец сегодняшнего дня?

– А она?

– Купила на них коляску, – улыбаюсь я. – Как ты уже заметил, мы, Михайловы, из тех женщин, которые в ответственный момент умеют послать мужчину, вне зависимости от того, как относятся к нему, – подмигиваю ему. – Потом, когда мне исполнилось два года, мама снова похудела и вышла на работу, он появился вновь. И имел нам с ней мозг еще пятнадцать лет, пока не нашел себе другую, помоложе. Мужики не уходят из семей, и я ни за что на свете не стану любовницей, Егор. Поэтому прошу тебя никогда, ни при каких обстоятельствах, даже не намекать мне на близость, пока в твоём паспорте стоит этот штамп. И нет, я не против секса без обязательств и охотно трахнулась бы с тобой тут, – ударяю ладонью по широкому подоконнику, – предварительно продезинфицировав его, конечно, – это я уже шучу, и он смеется – как обычно, пропуская мои колкости по поводу его образа жизни. Отдохнули и хватит, я продолжаю: – Но, Егор, я всегда выберу свободного парня. За неимением оного, пред-

почту душ и короткий маникюр.

– Понял. Но... Веро, мой развод – вопрос времени, ты ведь знаешь. Я никогда снова не сойду с Ксюшей. Аналогично твоему душу, выберу левую руку.

Имя его жены мне слышать не нравится, но я не показываю этого. Вообще, заметила, когда кто-то из нас называет вслух запретное имя, эта женщина... словно становится реальнее, призрак оживает и вторгается сюда, в мир наших двух балконов. А вместе с ней внутри меня просыпается страх того, что могу нарушить свой главный жизненный принцип и пустить свою жизнь коту под хвост, как это сделала мама. Не нужно мне так много общаться с Егором. Он все еще смотрит вопросительно, и я отмахиваюсь от сложной темы:

– Все вы так говорите, – улыбаюсь, сводя тему в шутку. Он тоже улыбается и снова делает глоток моего пива. Кивает мне, давая понять, что усек. Озерский практически осушил банку. Мне нравится пить с ним из одной посуды, это почти поцелуи, за которые не стыдно перед общественностью. Если бы у меня были планы поинтереснее, то я бы непременно выбрала их, но раз мой вечер полностью свободен, то почему бы не попресекать его пошлые шуточки? Кто, если не я?

– Пошли? – он кивает в сторону комнаты. На кухне по-прежнему негде сидеть. – Можем посмотреть киношку на телефоне.

– Ну пошли, только я сама выберу фильм.

- Обожаю смотреть с девчонками ужасы.
- Ха, посмотрим, кто больше испугается.

Глава 4

Мистер Математик

Привет, блог.

Вы еще тут? Ух ты. Спасибо, рад безмерно.

Съела, Тереза Веленски?

Не в курсе, кто это? Рассказываю. Эта милейшая женщина в своей очередной рецензии накануне написала, что третий сезон «Веселых денечков» вышел еще скучнее и преснее, чем предыдущие два, она зевала и боролась со сном все... двадцать две часовые серии. Тереза – свободный критик, довольно популярный, к сожалению. Она упорно смотрит все мои сериалы, а потом пишет разгромные рецензии на них, сетуя, как жаль ей мучительно убитого времени, и если бы вместо того, чтобы пялиться на «безнравственные попытки жалких людей самоутвердиться за счет друг друга», она бы сутки наблюдала за увлекательной жизнью черепашки в аквариуме, узнала бы много больше интересного.

«Черепашка в аквариуме». Вечером же заеду в зоомагазин и куплю себе эту любопытную рептилию, легко уделавшую мою самую громкую на данный момент работу.

И шутки у меня, оказывается, глупые, и герои – картонные, а поступки их – вообще нелогичные. Но Тереза снова

смотрит. И снова пишет.

Между прочим, дорогой мой критик, нас продлили на четвертый сезон и даже добавили в него дополнительные пять серий. Увидимся в следующем году, блин! Нормальные у меня шутки, Вероника, например, весь прошлый вечер смеялась над моими комментариями к «Ключу от всех дверей» – внезапно выяснилось, что она не смотрела этот культовый фильм ужасов, что мы тут же исправили. После чего я проводил ее до дома, где мы выпили кофе, поболтали о жизни, студенческих годах, она случайно сообщила, что помимо фитнеса несколько раз вела занятия по тверку. И посмотрела при этом... как-то томно, исподлобья. А потом напомнила, что мне пора домой, так как ей скоро собираться на работу.

По пути из кухни к входной двери я загуглил это слово. На свою беду. Тверк – если кто-то не знал, как и я, – это танец попой, бедрами, животиком. Другими словами, еще одна вещь, на которую, наравне с огнем и водой, можно смотреть бесконечно долго.

– Да ладно, и не покажешь даже? Я не уйду ведь, пока не увижу! Танец такой... запоминающийся, ритмичный, – с каждой секундой мое воображение рисовало все новые горячие образы жаркой штучки, стоящей напротив. Я и не знал раньше... Не думал даже, что она так может. При этом джинсы на соседке вдруг стали выглядеть еще более обтягивающими, губки, которых так и не дали коснуться, – желаннее, а сама Вероника... притягательнее. Мои руки еще не успели

дотронуться до другой женщины и забыть, какая Вероника на ощупь. А бессонная ночь, проведенная вместе, пробудила надежду, что не все так однозначно, ведь некоторые принципы можно сломить, чуток надавив, а другие – и вовсе обойти.

– Единственный твой шанс это увидеть – прийти на занятие в качестве участника, – включила она тот же взгляд, с которым отшла несколькими часами ранее. Неуютный, обидный. Будто она меня боится. – Задница у тебя, Егор, подходящая, все получится, – и подмигнула, расплываясь в улыбке. Вот маленькая хитрая сучка.

– У тебя тоже, – быстро ответил. – Очень подходящая.

– Я знаю.

– Я не про тверк.

– И я не про тверк.

Твою мать. Уделала, девочка-то.

Минут двадцать, если не больше, мы прощались, я занял дверной проем, надеясь, что она передумает, пытаюсь взять измором. Она облокотилась на стенку и терпеливо ждала, когда я освобожу ее жилище, улыбалась. Отрицательно качала головой. Зевала каждые две минуты, но не ругалась. Так и стояли, уходить не хотелось, а остаться не нашлось ни единой причины.

Когда шел домой по пустынной детской площадке, которая через каких-то три-четыре часа загудит от воплей и беготни местных ребятишек, думал о том, что определился, кем буду утешаться в день развода. Девчонка, запросто по-

казавшая грудь с балкона и умеющая так задорно вертеть попкой, точно не заставит меня скучать сутки, а может, даже несколько.

* * *

Открываю глаза. А вы, пожалуйста, закройте.

Ради вашего же блага зажмурьтесь и посидите в темноте хотя бы пять минут, пока я доползу до душа и выползу обратно. Для начала подставлю голову под поток прохладной воды из крана. Смотрите, да? Вода стекает по волосам, капает на ноги, быстрыми ручейками холодит спину и плечи. Пытается меня отмыть. Наивная.

Почему-то именно в этот момент я вспоминаю Веронику и ее серьезный, но не строгий взгляд. Она как бы не осуждает, потому что не ее как бы дело, но по-дружески негодует. Подружка моя, ага. «Егор, так же нельзя. Ты сам себе мстишь непонятно за что», – ее голос звучит в ушах. Удивительно, но сейчас мне хочется именно к ней. Чтобы не осуждали, не жалели, а просто побыли рядом.

Несколько дней назад мы провели ночь вместе, болтая и подкалывая друг друга, пару раз шутки зависали в воздухе и нам не хватало крошечного шажочка, чтобы накинуться друг на друга с поцелуями. А потом жизнь вернула меня в привычную колею, и вот я перед вами едва живой после бурной ночи, один на один с проблемами, с которыми играем

в салочки: то они за мной гонятся, то я их провоцирую.

Похмелье можно сравнить с путешествием на яхте. Качает туда-сюда, то влево, то вправо, только не оступись и не вывалишься за борт. Немного веет от меня этим утром романтикой, не так ли?

И, кстати, нечего, глядя на меня, так открыто веселиться, дорогой мой читатель. Всегда помни: один неудачный день – и ты вполне можешь стать мною. И назад уже дороги не будет. Проблемы – как мелкие хулиганы: по одиночке не тусуются, бродят кучками штук по шесть-семь, поджидают толпой за углом в тесном темном переулочке неверного жизненного решения. Если роем налетят, не отобьешься.

Возможно, нас с вами разделяет один день. Часов двадцать пять – тридцать, а то и меньше. Возможно, завтра вы окажетесь в еще большей заднице. Расслабьтесь, я шучу, все будет хорошо.

Смотрю на часы – половина пятого. По тусклому солнечному свету, льющемуся в просвет между тяжелыми темными шторами, сразу не сообразишь, утра или вечера.

* * *

У меня есть отличные новости – я поговорил с женой. Нет, она не уехала на «Скорой», даже не грохнулась в обморок. Кажется, мы, наконец, дозрели до мирного разговора. Закутались в безразличие. Любой так сможет, нужно просто чу-

ток времени на собраться с силами. Любой сможет разговаривать с женщиной, которую боготворил, о ее измене, не сходя с ума от бешенства и злобы, не сжимая пальцы в кулаки, не гася обидные слезы от осознания того, что мечта жизни смыта в унитаз. Дерьмом она оказалась, мечта моя. А я сижу и улыбаюсь, потому что время дали – осознать.

Серьезно, не верится даже. Это случилось внезапно двое суток назад, спокойный домашний вечер за просмотром фильма и стандартной перепиской с Вероникой. Ни настроение Ксюши, ни ее домашний асексуальный халат – ничего не предвещало беды. Ситуация накалилась до предела в одну секунду, когда она вновь заговорила о сексе, вернее, об его отсутствии. Ксюша заявила, что если я немедленно не займусь с ней любовью, она мгновенно разведется со мной (интересно, как это можно устроить, чтобы мгновенно?), потому что такой жалкий бессильный муж ей не нужен. Я убрал телефон в сторону, сел ровно и посмотрел ей в глаза. Она замерла, прижала ладонь ко рту и заплакала.

Вот и все, вот так просто.

В моих глазах не было вызова, клянусь вам. Лишь сожаление. Бездна сожаления и тоски. Раньше я бы убил за такое предложение с ее стороны. Один раз я избил парня за то, что он ее ударил, потом она с ним помирилась и встречалась еще год. Дружки ублюдка толпой дождались меня возле

подъезда и утащили за угол, объяснив, чтобы и близко к ней не подходил. В итоге Ксюша еще и обижалась на меня, что первым переступил черту. И даже в то время я бы радостно согласился обладать ею. Но тогда мне предложено не было, а теперь вроде как «на, бери», а уже не надо.

– Ты меня больше не любишь? – спросила она. Я молчал. Она смотрела на меня и будто осознавала, как сильно все изменилось. Раньше я прощал ей многое. Да абсолютно все. По первому звонку срывался и летел на выручку. Но она перегнула, и палка терпения переломилась. Она это все увидела сейчас в моих глазах. И испугалась по-настоящему. Будто впервые восприняла всерьез угрозу разрыва. Словно все эти месяцы после моего открытия ждала, что вот-вот я перестану дурью маяться.

И тут меня осенило! Она ждала отмашки врача, разрешения заниматься сексом, думала, что через постельные дела удастся меня быстренько вернуть. Я покачал головой, и она опустила плечи.

Я молчал. Я не хотел делать ей больно. Но и врать тоже не собирался. Есть женщины, за обман которых начинаешь ненавидеть самого себя. Особенные женщины, у каждого мужчины они свои: мама, сестра и Ксюха – мой набор перед вами.

Трудно было подобрать слова обоим. Впервые за много месяцев говорили серьезно, и это выворачивало душу на-

изнанку. Меня даже подташнивало.

– Егор, все кончено, да? Ты никогда не простишь? – она произнесла это очень тихо, но я услышал. И это было больно. Хоть я и был уверен на девяносто девять целых и девять десятых процентов, что она предала – оказывается, был не готов услышать признание вслух.

– Маленькая Санни, я не смогу, – развел руками. Хоть она и старшая Колькина сестра, я всегда звал ее «маленькой» из-за роста. Не помню времени, когда она была бы его выше.

– Потому что больше не любишь.

– Потому что еще люблю.

– Что теперь будет, Егор? – она прижала руки к животу. – Ты всем расскажешь, да?

– А как ты думаешь? – я помог ей сесть на диван, сам устроился рядом. Переплел пальцы в замок, чтобы куда-то деть их.

– Мне очень, очень жаль, – ее глаза снова и снова наполнялись слезами. Искренними, не лицемерными. Печально. На этом диване в этой комнате оказалось вдруг столько печали, что впору плотину для слез ставить да вырабатывать электричество, хоть какая-то польза от нашей беды. На кресле вибрировал телефон снова и снова – Веро что-то писала.

– Правда жаль? – спросил не то с насмешкой, не то с надеждой. Сам не понял.

– Правда.

– Это хорошо.

– Ты сможешь меня когда-нибудь простить?

– За то, что так и не смогла полюбить меня? – я лег и посмотрел в потолок, пожевывая незажженную сигарету. Впервые за много месяцев мы говорили начистоту. Будто вернулись в прошлое, то время, когда штамп в паспорте не сделал нас врагами только за то, кто мы есть на самом деле.

– Я тебя полюбила. Сильно. Если бы можно было вернуть время... я каждый день молюсь, чтобы он оказался твоим. Каждый божий день, Егор! Я в церковь хожу, напрямую к Богу обращаюсь. Он твой, я уверена в этом. Ты мой муж, по-другому просто не может быть. Прости меня... Я... дура, я запуталась.

– Скажи, тебе чего-то не хватало? – сам удивился, как смог заставить свой голос звучать бесстрастно. Сердце колотилось на разрыв аорты.

– Пожалуйста, не задавай такие вопросы. Не унижайся передо мной, – она встрепенулась, села рядышком. Близко-близко. Провела ладонью по моему лицу, я закрыл глаза. – Ты самый лучший.

– Убедилась?

– Да, – тихо ответила, и я зажмурился. Ее слезы капали мне на лицо, мы долго вот так полулежали на этом кожаном диване. А потом, спустя где-то час, она произнесла хрипло: – Не бросай меня. Я не справлюсь одна. У меня никого не останется.

– Родные тебя не бросят.

– Бросят, как узнают, что я сделала. Они любят тебя. Хотя бы до рождения малыша не уходи, ладно?

– В каком плане не бросать тебя? – я сел и посмотрел на нее, чуть прищурившись. Красивая. Очень сложно не давать ей то, чего она хочет, что бы это ни было. – Если бы мне было плевать, я бы с удовольствием продолжал трахать твоё шикарное тело, даже не думая, что недавно это делал другой.

– Я знаю, Санни рассказывал, как вы с ним развлекались с одной девицей на двоих, – сказала она раздраженно, я улыбнулся. – Но тебе не плевать.

– Точно.

Целый вечер мы провели на диване вместе, я чувствовал, что таким образом происходит наше прощание. Не знаю, как ей, но мне это было нужно. Покой. Немножко покоя перед следующими ударами. Она пообещала, что перестанет бегать за мной по кабакам и ждать чего бы то ни было. Позволит справиться с этим самому, как сумею. Я же в свою очередь продолжу ее поддерживать, пока ей это нужно, и играть ту же самую роль уникального осла, которую исполнял все эти месяцы.

Я иначе представлял себе нашу разборку. Думал о битой посуде, истериках, жестокой правде, матом выплюнутой в лицо. О произнесенных вслух мужских именах – именах моих соперников – которые бы гремели громом в моей квартире. Но на это все вдруг не осталось сил. Тишина раска-

зала о наших разрушенных планах намного больше. Я ублюдок, я знаю. Ублюдок, перетрахавший половину города, пока она беременная ждала меня дома, приходил ночевать пьяный или обдолбанный. Но я согласился помогать ей, потому что она попросила.

К полуночи я почувствовал себя почти хорошо.

Когда мы встали с дивана, чтобы пойти спать по разным комнатам, она вдруг произнесла: «Но я за тебя буду бороться. Настала моя очередь».

– Очередь чего? – прищурился, не понимая.

– Завоевывать тебя, – она улыбнулась и подмигнула, а я осознал, что короткое облегчение оказалось мнимым. Ненастоящим, как и все мои отношения с этой женщиной. После нашего разговора ни черта не изменилось. Просто она снова победила. Я в той же самой яме, только теперь виноват сам, потому что добровольно согласился.

* * *

Ну а прошлая ночь носит имя Забвение. Настолько быстрая и сочная, что раздумьям просто не нашлось в ней места. Я забыл обо всем. В отдельные моменты мне казалось, что я провалился в четырехмерное пространство и смотрю на себя одновременно в прошлом и настоящем, сравниваю... не уверен, впрочем, что это нормально. Боже, хоть ластиком этот штамп долбанный стирай, да толку-то! Бесит-бесит-бесит.

Однажды я проснусь и не почувствую боли. Вообще. Я раньше думал, что в это утро рядом со мной будет женщина, но спустя годы мыканий убедился, что искать замену бесполезно. Я буду один. Открою глаза и улыбнусь, потому что – свободен. И дело не штампе даже, хотя на него и принято в моем случае валить все беды. Даже после того, как он исчезнет – легче не станет. Просто был родной человек, а потом стал врагом, и больше нельзя его любить. И защищать. Но ты все равно защищаешь по привычке, теперь уже от самого себя. Больше не любишь, но место в груди, откуда вырвано чувство – болит. Рана там. А с виду и не скажешь, да? С виду кажется, что пофигу на все. А знаете что? Под «лекарством» кокаинового тренера и правда пофигу.

Соскакиваю с кровати довольно шустро, ищу на стеклянном прозрачном столике отеля брошюрку, визитку, да хоть что-нибудь, чтобы понять, где нахожусь вообще? Дайте мне ориентир. Все-таки мы не на яхте, а в гостинице.

Начнем с определения города. Или страны?..

Горки-Город, Красная поляна. Отель пять звезд, ну да, чего мелочиться, я ж не понимаю, что после развода с Ксюшей ее отец сделает несколько телефонных звонков, после которых вашего покорного слугу не возьмут уже никуда – могу себе позволить не тесниться в средствах.

Все же за окном вечер. На несколько часов опоздал освободить номер, теперь придется платить еще за сутки. На-

стойчивый стук в дверь заставляет вздрогнуть, предчувствие плохое, но робкая надежда, что пожаловала приветливая догадливая официантка со стаканом ледяного пива и минералкой – теплится.

Бегло осмотрев комнату на предмет халата, закутываюсь в простынь и открываю.

– Привет стойким храбрым римлянам! – салюует Илюха, оглядывая мой незамысловатый прикид, заходит в комнату и напрямиком к окошку, рывками раздвигает шторы, распахивает створки. – М-м-м, свежий горный воздух. Не слышал о таком?

– Хей, холодно! – поднимаю с пола одеяло и набрасываю на плечи, сам щурюсь с непривычки. – Нифига мы напились вчера, мне приснилось, что я проиграл в казино десять штук.

– Тебе не приснилось. Какой холодно? На улице двадцать шесть градусов.

Действительно, в памяти проносятся азарт, визг, громкая музыка, веселая рулетка, которая крутится, крутится, как воронка высасывающая денежки. Не помню, когда в последний раз столько смеялся.

– Да ладно тебе, не грузись. Заработаешь. По клавиатуре шпарить – не кирпичи таскать.

Воспоминания крутятся вокруг быстрее той самой гребаной рулетки: женщины, белый порошок... О, черт, нехорошо. Очень плохо.

– Ты скверненько на меня влияешь, – посмеиваюсь. – Ка-

кой у нас план?

– Как какой? На пробежечку-зарядку, а потом в баню. Утром нас ждет рафтинг! – а он и правда в кроссовках и шортах с майкой. В руках держит несколько масок для бега. – Нужно встряхнуть организм, хорошенько пропотеть, чтобы вся гадость вышла, освободила место для новой порции, – гладит себя по животу.

– Вот откуда в тебе столько здоровья? Ты вообще живой человек?

Снова стук в дверь, после чего гость, не дожидаясь ответа, заходит в номер.

– Привет, мужики, – Санни, Ксюшин брат, выглядит так себе, смотрит озлобленно, но не на меня, а на кокаинового тренера. Садится на кровать и утыкает лицо в ладони. – Я шас сдохну.

– Я тебе после пробежки такой коктейль замучу, станешь, как огурец! – смеется тренер.

– Пошел к черту, Илья. Мне вообще все это нельзя, как тебе удастся каждый раз впарить мне дурь? Поиграли в казино, называется. Егор, ты летишь домой?

– А рафтинг? – спрашиваю, приподняв брови.

– Какой еще рафтинг? Я едва хожу.

– Оставайтесь-ка ребятки еще на сутки, – смеется Илья. – Санни, тебе бы чутка отвлечься, расслабиться перед свадьбой, а тебе, Егор, отдышаться от брака и набраться вдохновения.

– Чего? – хмурюсь.

– Ты вчера сказал, что начал работать над новым сериалом и нет ни одной идеи, как снова поссорить героев, поменять местами на время, а затем помирить.

– Новым сезоном, – поправляю, зевая. – Санни, ну че, домой или остаемся? За гостиницу все равно платить полностью.

– У-у-у, вы чего такие скучные?

– Просто отвали, – отмахивается Коля. – Егор, давай через полчаса внизу с чемоданами, я пока пойду полежу на кровати лицом вниз, – он приподнимается.

– Мужики, когда мы еще потренируемся вместе на свежем воздухе? И что, прилетели, побухали и домой? А спорт?

– А маски зачем? – морщусь.

– Чтобы вы мне тут ни на кого не дышали. Да и что, зря я их с собой привез?

Даже Санни улыбается шутке.

– Эм. Ладно, уговорил, это будет заслуженная кара за все, – сдает позиции Коля. Что-то выглядит он совсем плохо, потерянно. – Насчет побегать – не уверен, но хотя бы прогуляться. Я за кроссовками, – он дает мне знак поспешить и покидает номер. В то самое мгновение, как за моим другом закрывается дверь, в номере открывается еще одна. Та, что ведет на балкон или что там у меня находится в этом крутом отеле. Оттуда выплывает рыженькая фея в моем белом халате. Вот он где.

– Мальчики, привет, – шепчет она смущенно. – Егор, я уснула в лоджии, представляешь! – мило хихикает. Я тоже улыбаюсь.

– Нифига тебе повезло! – закатывается тренер, вытаращив глаза. Мои тоже заметно округлились от шока. – Пять секунд! – и тычет пальцем на дверь. Да уж. Чешу затылок. Если бы Санни увидел ее тут, быть скандалу. Девица тем временем целует меня в щеку, и начинает трясти одеяло на кровати, забирается на нее, доставая смятую одежду из-под подушек и начинает переодеваться. Я отворачиваюсь, чтобы не смущать красавицу, тренер, наоборот, поворачивается, чтобы рассмотреть получше.

– Волшебная, ты сейчас куда? – тянет он своим мерзким низким голосом «для подката».

– Куда Егор скажет, – звонко отвечает она. Вот блин. Илья смотрит на меня, я показываю, что видов не имею.

– По домам пора, – говорю ей.

– А давай я тебя подкину? – не успокаивается он. Рыженькая оборачивается – у нее веснушки по всему лицу и даже на груди, зеленые глаза – очень необычная и яркая, мне нравится. Даже под кайфом я выбираю себе прелестных женщин.

– Отвали. Егор, вызовешь мне такси? – она совсем не в обиде.

– Конечно. Сейчас провожу, – хватаю с пола джинсы и натягиваю на себя. Душ подождет. Первым делом нужно избавиться от девочки, пока не вернулся Санников. Беру ее под

руку, она смотрит на меня ласково, гладит по пальцам.

– Спасибо, что помог вчера, очень выручил. Может, еще увидимся? Было классно, – подмигивает мне на прощание.

– Буду на это надеяться, – отвечаю ей, понятия не имея, о какой помощи речь.

Пробежка сейчас явно кстати. Я возвращаюсь в номер, кивая приветливому персоналу, попавшемуся по пути.

Пока бегаю, думаю. Погода идеальная для физических нагрузок на свежем воздухе, нет такой бешеной жары, как в городе, легкий ветерок обдувает голые плечи, кажется, что даже тротуарная плитка под ногами пружинит, словно трава на газоне. Дыхание тяжелое и резкое, излишне глубокое, на спор все же побежали в масках. Легкие пылают огнем.

Я не из тех, кто проживет долгую жизнь, моя история не закончится хэппи-эндом. Попытался – не вышло, мне даже природа дала знак: ну не твое это – семья. Смирись уже. Теперь понял, сдаюсь.

Я ведь раздолбай, что тут скрывать. Кошмарный сын, не лучший брат. С шестнадцати лет больше времени провожу в походах и поездках, чем дома с родными. Единственное, что дисциплинировало – это спорт, и как только я бросил серьезные тренировки, понеслась душа в преисподнюю. В это время я много читал и писал, публиковался под разными псевдонимами, мне казалось, что я постигаю суть, учусь подавать

ее под особыми соусами. Нарабатываю жизненный опыт. Думалось, что мое видение кому-то интересно. К черту, не пригодилось. В реальной жизни деньги платят за другое.

До брака я работал над книгой, это казалось архиважным, но потом бросил, нашел цель в другом. А теперь думаю – может, поискать старый файл на компе? Перечитать – хоть посмеяться повод.

В самолете Коля смотрит перед собой, говорит растерянно, что ему не свойственно. Представьте только борова, многократного чемпиона в смешанных единоборствах (которые перед девчонками мы зовем боями без правил, что неправильно, но звучит круче) в полутяжелом весе, поджимающим губы, словно вот-вот разревется. О Боже, что еще случилось?

– Ты только Лесе не говори ничего, хорошо? Ну, что вчера было, – произносит он, глядя перед собой.

Я не понимаю, о чем он. Его невеста ведь в курсе, что мы на мальчишник уехали. Он проиграл больше, чем планировал? Странно, суммы всегда оговариваем заранее, ни разу еще не выворачивали карманы в ноль. Смотрю на профиль друга, его кривой, многократно переломанный нос – что-то Санни выглядит совсем паршиво, пришибленный какой-то, ссутулился, в глаза не смотрит. Ему стыдно.

Интересно, за что? Делаю вид, что в курсе:

– Нет, конечно. И в мыслях не было. Просто забудь. Что

случилось в Красной Поляне, остается в Красной Поляне.

– Это все Тренер, я как начинаю с ним общаться, башку теряю, – опачки, кажется, не только в моей лоджии сегодня ночевали девушки. Кстати в упор не помню, как спал с рыженькой. Провалы в памяти у меня бывают, с таким-то образом жизни, но не настолько же! Помню, она меня благодарила, помню – попросила помочь снять номер, так как поругалась с парнем и осталась без гроша... А, он в казино стащил с нее кольцо, вырвал из ушей серьги с кровью и побежал в ломбард, точно! На ресепшне сказали, что номеров свободных нет, а потом мы пошли ко мне. А потом все, темнота. – Надо заканчивать общаться с Илюхой, он перешел на тяжеляк, это плохо кончится.

– Ага, Тренер виноват. Ты совершенно ни при чем.

– Верно. Ты спать сразу лег, мне нужно было тоже. Только не дави на мозг, сам все понимаю. Тупо вышло, жалею – писец. И время не отмотаешь. Не скажешь ей?

– Нет, конечно. С какой стати мне вообще говорить по душам с твоей невестой.

Мерзко, конечно, весь мир словно помешался на изменах. Даже Санни туда же, а он Леську обожает. Пальчики ей на ногах нацеловывает уже пять лет. У меня такое чувство, что я снова на яхте, но вот только не с именем «Похмелье» – после утреннего рафтинга самочувствие шикарное. Кораблик наш зовется нынче «Предательство», он несет меня по морю похоти, и на данный момент лично я знаю только один ост-

ровок добродетели. Догадались, о ком я? Мне так отчаянно хочется к нему причалить, что я смотрю на телефон, забывая, что в воздухе им нельзя пользоваться. На нашем самолете, увы, нет вайфая. Черт, я захлебнусь скоро в этом болоте. Все трахаются на стороне. Все прожигают жизнь, выключая совесть кокаином и кратковременными оргазмами. Используют друг друга. И с каждым днем нужно все больше дряни и дури, чтобы заглушить что-то внутри, то самое светлое – с чем рождаемся.

– Она свадьбу отменит, если узнает. Я долго не хотел на ней жениться, да и вообще жениться, ты знаешь. А теперь, глядя на вас с сестрой... на ваше счастье, я прихожу в ужас, что могу потерять все это. Я... не хочу без нее жить, я проснулся вчера, и меня вывернуло наизнанку от осознания того, что рядом спит кто-то, кто не Леся.

– Оно того не стоило?

Он смотрит на меня, и кажется, что ему физически больно. Качает головой.

Глава 5

Вероника

Ужин в кругу семьи в этот раз получился спонтанным, дяде стало немного хуже, он запаниковал, а на следующий день, когда состояние нормализовалось, насколько только возможно в его случае, срочно пригласил нас с мамой к себе.

Держится он отлично, одет безукоризненно: привычный нашему взгляду строгий костюм, из рукавов пиджака выглядывают манжеты белоснежной рубашки. Не забыл и о галстуке. Дядя у меня замечательный во всех смыслах, не представляю, как бы мы с мамой без него справлялись, когда я была маленькой, да и сейчас тоже. Единственный мужчина в семье тянул всех своих бездумных девчонок, нередко забывая о собственном счастье. За его плечами два неудачных брака, несколько более-менее серьезных отношений с женщинами после разводов, но не сложилось. Двое детей разного возраста, с которыми он практически не общается из-за чудовищных расстояний между городами. Да и бизнес не слишком-то привлекательный, тем не менее он вцепился в возможность и не упустил ее. Начинал с крохотного ларечка без отопления, сейчас – богат. Даже не знаю, сколько денег на его счетах – это не мое дело – но суммы там значительные.

– Птичка-Вероничка, рассказывай подробнее, что тебя так расстроило в прошлый раз? У тебя был такой голос... мне показалось, ты в шаге от того, чтобы бросить бизнес, – говорит он, как только мы доели салат. Его помощница убирает грязные тарелки, заново сервирует стол. После Жанны, его второй жены, он принципиально берет для каждого следующего блюда новые приборы. Было в ней что-то... дворянское.

Мама вытирает губы салфеткой и удивленно смотрит на меня.

– Да ничего, просто случайная встреча со старым знакомым.

– Каким знакомым? – не понимает дядя. Или забыл, или притворяется, что не в курсе той роли, которую Август сыграл в моей жизни.

Я собираюсь с силами и выпаливаю на одном дыхании:

– Жуткий тип, хоронит вторую жену чуть ли не подряд. И я боюсь, как бы не он сам был причиной...

– Птичка, наша работа – не лезть в личную жизнь клиентов. Полиция, родственники – пусть они во всем этом копаются. Наше дело маленькое. Девочка моя, если мы будем сотрудничать только с теми, кто лично нам симпатичен, то очень скоро пойдем по миру. В последнее время огромная конкуренция в нашей отрасли.

– Ты просто еще очень молоденькая, дочка, – жалеет меня

мама. Она чувствует, как мне некомфортно на новом месте, но мы стараемся не касаться опасной темы. Мне бы не хотелось, чтобы мама чувствовала вину, потому что ей не за что извиняться. – Но если тебе тяжело...

– Ничуть, – говорю решительно. – Мне все нравится. Странно ходить на работу не в лосинах, а в костюме, и я переживаю, куда теперь девать столько одежды в обтяг! – подмигиваю. – Но к этому можно привыкнуть.

Мы втроем смеемся, воздух над столом разряжается, мы снова просто семья, никаких сложностей.

– Ника, что поделать, мы же были у трех врачей, с твоим коленом не рекомендуются физические нагрузки, спорт под запретом.

– Дело привычки, – пожимаю плечами.

– А знаешь что, дочка, – говорит мне дядя. Можно сказать, он меня вырастил, поэтому иногда зовет дочерью, – для солидности тебе кое-чего не хватает. Новая должность обязывает, – он хитро улыбается, загадочно прищуривается, розовеет от удовольствия и выглядит довольным котом, дорвавшимся до сметаны. А это значит, что настало время подарков! Мои глаза горят от предвкушения, как в детстве. Дядя хохочет, замечая это. Он протягивает мне ключи от машины.

– О Боже! – пораженно рассматриваю брелок.

– Я все равно за рулем уже не езжу, – говорит он. – И... судя по всему, водительские права мне больше не понадо-

бятся, а тебе мой автомобиль сослужит службу, – он подмигивает. Мама издает всхлип, от которого сердце сжимается, но она моментально берет себя в руки. Мы, Михайловы, не оплакиваем людей при жизни. Мы боремся за каждый лиш- ний час. – Так что держи, не терпится увидеть эту шикарную девицу за рулем завидного автомобиля.

– Дядя, да ты что! – пугаюсь я. – Мне ведь пешком до работы десять минут быстрым шагом и до метро не более получаса. Куда мне ездить?

– Как куда? На дачу, за покупками, в салон красоты ногти подпилить... да мало ли куда! Держи, пригодятся, – он вста- ет, подходит, вкладывает в мою ладонь ключи и улыбается. Я поднимаюсь и крепко его обнимаю. – Какой-нибудь сим- патичный мужчина на светофоре увидит – что там за кра- сотка за рулем? М-м-м, видно, что не нищенка какая-то, а завидная невеста. А у нее и колечка на пальце нет... дай-ка попрошу телефончик.

– Все понятно с вами, лишь бы меня замуж скорее выдать. Сбагрить не терпится! – я плачу, момент слишком трогатель- ный, чтобы удержать слезы. Я дома, это моя семья, которая будет меня любить в любом случае и всегда поддержит, про- стит ошибки. Даст второй шанс, а потом третий, и так до бес- конечности. Мама тоже меня обнимает и шепчет: «Поздрав- ляю!» Подмигивает. Кажется, она состояла в заговоре.

– Мне бы очень хотелось погулять на твоей свадьбе, авось еще и получится. Римма, ну что там с ужином? Остынет же

все! – прикрикивает он на помощницу.

– Несу-несу! – раздается добрый голос из кухни, и милая женщина спешит с подносами и тарелками, мы с мамой кидаемся ей помогать.

* * *

Чудесный подарок, вот только у меня две проблемы: первая – права-то есть, но за шесть лет я была за рулем аж ноль раз, и тренироваться на громадном дорогушем «Гелендвагене» немного страшновато. И вторая – мобильный лежит рядом, Егор ни разу не написал за вечер, не поинтересовался, где я. Значит, снова с женой. Обычно он всегда мне пишет, например: «хочешь курить?», это означает – он будет курить, а я смотреть со своего балкона.

Некоторые мужчины несут свет, с ними – как на крыльях! Другие – разрушают, но делают это до того сладко, что невозможно отказать себе в запретном удовольствии. А такие, как Егор? Разрушают себя, делают счастливой другую, тогда как именно от них хочется и первого, и второго.

Как ни странно, но машина придает мне уверенности в себе. Мне хочется познакомиться с Ксюшей поближе и понять, чем она его так зацепила.

Следующим же вечером мы с Сашей на ее «Опеле» катаемся по пустой парковке торгового центра. Вернее, я нарезаю круги неправильной формы, Саша на меня ругается, когда делаю что-то не так, в итоге мы ссоримся, я выхожу из машины, хлопаю дверью и заявляю, что домой доберусь пешком.

– Да стой ты, Веро! – бежит она за мной. – Что за детский сад? Извини, если сказала грубо.

– Очень грубо! Ты истеричка! Я тебе помогала, когда мы учились шесть лет назад вместе, а теперь что? Я, считай, сда-ла за тебя тесты, которые ты даже не открывала перед экза-меном! Да, не была за рулем давно, растерялась – и все, ты готова прибить уже?

– Прости, дурацкий день. Сорвалась на тебя. Давай по-едем ко мне или к тебе, выпьем бутылочку вина и поболтаем о мужиках.

Я согласна с Сашей, на сегодня хватит. Мы обе устали на работе, да и учитель из нее кошмарный. Лучше я оплачу до-полнительные курсы в автошколе.

– А поехали! Делать все равно нечего больше, – соглаша-юсь, отвечая на ее объятия еще более крепкими.

– Позовем Ксюшу Озерскую? Егор уехал на мальчишник в Сочи, ей одной скучно.

Я столбенею. Чертова сила мысли. Да не так быстро же!

– Зачем?

– В последнее время мы снова сдружились, вместе ходим по магазинам. Она помогает Полинке готовиться к свадьбе. Мы, кстати, тебя всегда приглашаем.

– У меня рабочий день, я не могу вдруг уехать во вторник утром выбирать форму бокалов или оттенки теней для подружек невесты! – закатываю глаза, Саша начинает смеяться. Это наши с ней общие шутки, Полька уж очень придиричива в выборе каждой мелочи, касающейся предстоящего праздника. Иногда она переходит границы, и мы включаем режим «терпеть из последних сил ради многолетней дружбы».

– В это время меньше всего народу. Ладно, так к тебе или ко мне?

– К тебе, у меня бардак. Ты – ладно, но перед Ксюшей стыдно.

– А, ну okay. Кстати, ее муж съехал из квартиры напротив?

Ее муж.

– Не знаю, давно его не видела, – я лгу из-за него лучшей подруге.

* * *

Долго я не знала, что мамин лучший друг, который иногда оставался у нас ночевать и подкармливал меня шоколад-

ными яйцами – мой биологический отец, потом догадалась. Сразу после этого мама сообщила, почему мне нельзя о нем никому рассказывать.

Многие годы мама придумывала все новые и новые оправдания его поведению: бесконечные причины не бросать первую семью ежегодно сменяли друг друга, метания перестали задевать женское самолюбие, любовь одновременно к двум женщинам – превратилась в норму. Та, первая, тоже знала о нашем с мамой существовании. Один раз она приехала ко мне в школу, представилась тетушкой и подарила куклу Барби. Смотрела очень внимательно, жадно разглядывала каждый миллиметр моего лица. Убрала выбившуюся прядь моих волос за ухо и улыбнулась. Тогда я не задумывалась о том, чего ей стоила эта улыбка. Сегодня же, видя весь вечер перед собой беременную, святящуюся счастьем Ксюшу, я сполна прочувствовала на себе значение слова «агония».

Когда мне было лет тринадцать, один взрослый мальчик, увидев меня в парке с подружками – мы занимались танцами на открытом воздухе – подошел и ни с того ни с сего наговорил гадостей, обозвал последними словами. Я и раньше слышала матерные выражения, я ж училась в обычной школе, но впервые их значение относилось к моей персоне. Оказалось, это мой старший брат по отцу. Не думайте, что любовницам живется сладко, не ставьте крест на их детях.

Слепая бездумная страсть моих родителей друг к другу, запретная, никому не нужная, принесла много горя обеим

семьям. С этим мальчиком – Стасом – мы бы никогда не стали врагами, не поведи наш отец себя последней скотиной. Стас и сейчас иногда появляется в моей жизни с целью напакостить, от нечего делать, обвиняя в своих бедах сам факт моего существования. У него вообще, на мой взгляд, имеются некоторые проблемы с психикой.

Ксюша мне не понравилась, и да, это чисто субъективное мнение. Уж слишком уверенная в себе и категоричная. Я даже рассказывать о ней не хочу. Не могу. Но домой я прибыла в состоянии ступора и желания размазать Егора по стенке. Он беззлобный и запутавшийся, но, со своей нерешительностью, ведет себя ничем не лучше моего отца. Поэтому, когда через час он вместо того, чтобы отрываться на мальчишнике, позвонил мне и пригласил «покурить с ним» на балконе, я не смогла сдержаться и попросила исчезнуть из моей жизни немедленно и не трепать больше нервы. Он обалдел и даже замолчал на несколько секунд. После чего произнес:

– Почему? – искреннее не понимая моей категоричности. – Что-то случилось?

– Мне потом плохо, – честно призналась. – После нашего общения. Я будто... покрываю тебя. Я сегодня в прошлое вернулась! Мне надоело стыдиться и скрывать отношения с мужчинами, будь это отец, любовник или друг! Я достойна большего!

– Ты выпила, что ли?

– Немного вина... неважно. Бокал или два. Егор, я сего-

дня весь вечер провела рядом с Ксюшей. Это сложно. Слишком для меня сложно. Моя самая близкая подруга дружит с твоей женой, а я им лгу, что не общаюсь тобой, тогда как мы ежедневно на телефоне!

– Мы не делаем ничего плохого. Ты – точно не делаешь. А свою карму я несу сам, – он произнес резковато, но не переступая границ.

Мне не нравится, что мы уже несколько раз ссорились и мирились, потому что это сближает людей. А сближение с женатиком, таким, как Егор, ничего, кроме проблем, не принесет. Он тратит мое время. Вместо того, чтобы развлекать его, я могла бы сходить на свидание с каким-нибудь другим парнем, потенциальным женихом.

– Ты заставляешь меня поступать плохо.

– Ты – мой единственный друг.

– Знаешь что, Егор? Хочешь услышать правду от друга?

– Ну, давай. Чувствую, ты не ограничилась двумя бокалами. Я весь во внимании, Вероника. Жги.

– Посмотри на себя со стороны. Хотя бы на минуту. Ты классный. Правда, классный. Настолько, что единственное, о чем я подумала, увидев, как ты занимаешься сексом с другой женщиной – «хочу оказаться на ее месте». Ты умный, веселый. Иногда ты даже кажешься чутким – правда, очень редко. Но все эти качества никогда не перевесят твоего поведения.

– Какого поведения?

– Непристойного! Алкоголь, наркотики, беспорядочные связи... спорю, ты даже сейчас под кайфом. Я вообще не знаю, бываешь ли ты не обкуренным хоть когда-нибудь!

– Вообще-то бываю.

Я вздохнула.

– А ты никогда не задумывался, что, может, твоя жена потому и забеременела от другого, потому что, прости Егор, но от тебя – просто страшно. В нас, женщинах, на уровне инстинкта заложено рожать от здоровых самцов, а ты не бываешь здоровым. Егор, ты мне понравился с первого взгляда, но чем больше я узнаю тебя, тем меньше мне хочется продолжать это делать.

– Вот сейчас было жестоко, – сказал он с улыбкой, но я понимала, что попала в цель и сильно его задела. Я отыгралась на нем за поведение отца и Стаса. Нахлынули воспоминания, я не смогла с ними справиться.

– Ты мог бы стать особенным мужчиной, но вместо этого – ты не больше чем веселая компания на одну ночь. Пару раз мне казалось, что я вижу тебя настоящего, но потом я поняла, что идут дни, недели... а ничего не меняется. Я действительно тебе друг, и я не собираюсь смотреть, как ты снаркومانливаешься за окном напротив.

– Это всего лишь трава.

– Это всего лишь твоя жизнь, твой выбор, и не впутывай в него меня, пожалуйста. Как разведешься – позвони, проведем жаркую ночь вместе, если у меня по-прежнему никого

не будет. Но если ты хочешь большего – а ты хочешь, иначе бы не убивался по поводу измены Ксюши – то будь добр, покажи это. Иногда, чтобы всплыть на поверхность, нужно оттолкнуться от дна ногами. Вот оно дно, Егор. Отталкивайся. Считай, что меня у тебя тоже больше нет, – и я положила трубку. А потом посчитала: мы есть в жизни друг друга почти два месяца. Оказывается, этого достаточно для того, чтобы привыкнуть к человеку.

Глава 6

Мистер Математик

Привет, блог.

Это снова я, ваш бессменный писатель-написатель – наркоман-Егорка.

Моя бабушка – та, что филолог – всегда говорила, что если ты нюхаешь кокаин дважды в месяц, то ты творческий человек, которому естественно необходимо расслабиться, если чаще – у тебя гребаные проблемы, парень. Так вот, у нее были проблемы, у меня – нет. Пока – нет, но перспективка нерадостная.

Ваши комментарии к блогу прочел, обдумал. Отключил. Затем снова включил. Пишите, почитаю. Пусть даже лично я далеко не со всем согласен.

– Вероника, ты где? – говорю сразу, как только слышу ее «Что тебе нужно, Егор?» в трубке. Верните мне добрую милую Веронику, кто успел подменить мою терпеливую соседку этой стервой?

– На работе, – в ответ голос, холодящий кровь в жилах. Настолько ледяной, что я едва не зарабатываю себе отит, услышав эти два слова. Ну нифига себе.

– А что ты там делаешь? – спрашиваю наигранно весело.

– Людей хороню.

Шуточки, блин. Она снова в ударе.

– Ха-ха, – отвечаю, только смех не радостный. – Надо поговорить.

– Поговори с женой.

– Поговорил. Теперь с тобой хочу. Ты на меня все еще злишься?

– С какой стати? Ты мне вообще кто, злиться на тебя еще, – но трубку не кладет. Она немного не в себе, волнуется или нервничает. Буду польщен, если из-за меня.

– Можно я приеду?

– Зачем?

– Это важно.

– Для кого?

– Для меня. Веро, я не буду тебе мешать. Мне не помещает друг и немного тверка. Можно объединить, – ты мой островок добродетели, и ты от меня никуда не денешься, сегодня я причаляю. – Ладно, шутки в сторону. Я соскучился. Я привык к тебе.

– Егор, это делается так. Открываешь телефонную книгу, находишь в списке мой номер, нажимаешь «удалить». Отвыкаешь.

– Я неделю не курил дурь, все это время я сижу один в квартире напротив твоей и работаю. Это правда. Просто выпей со мной кофе, и я уеду. Просто поговори со мной о ка-

кой-нибудь фигне. Можешь повторить все то же самое, что сказала неделю назад по телефону. Плевать.

Она громко вздыхает в трубку. Сдается.

– Я угощаю, – продолжаю давить.

– Егор, приезжай, но потом не жалуйся, – Вероника по-прежнему говорит резковато, но меня это мало интересует. Я хочу увидеть кого-то, кто верен своим принципам, и снова поверить в людей.

– Я жду адрес смс-кой.

– Может, все же вечером? – немного смягчается.

– Я хочу побыть с кем-то не из моего мира. С тобой. Пожалуйста. Ну что мне сделать, чтобы ты сменила гнев на милость? Это ведь не сложно – сказать мне, где ты, дальше я все сделаю сам. В конце концов, я могу тихо посидеть позади тебя, пока ты трудишься, и с удовольствием полюбоваться твоим восхитительным затылком.

– Ладно, – крепость пала, противник капитулирует. Но заметно, что решение дается ей с трудом. Вероника диктует адрес. – Увидишь вывеску – не пугайся, я внутри здания. Сразу проходи в кабинет, я поставлю тебе табуретку в уголке.

Когда я подъезжаю к нужному дому, осознаю, какой идиот. Это бюро ритуальных услуг! Боже, у нее кто-то умер, а я ей названиваю без остановки и намекаю, что меня ломает. Как не вовремя. Я ведь даже не спросил, как она себя чувствует, что происходит в ее жизни. Понятия не имею, чем

она занималась последние дни. Может, у нее горе? Она ведь как-то упоминала, что дядя болеет. Возможно, не только мне единственному хреново живется на этом свете? Принять это непросто.

Некоторое время стою перед зданием, рассматривая надпись «Тихие поляны», переминаюсь с ноги на ногу. Идти туда не хочется. Да и одет я неподобающе, джинсы и черная майка, но скорбной последняя от окраски не становится, так как украшена надписью. Надо было рубашку надеть, собирался в спешке. Я ж не думал... А мог бы спросить. Обычный вопрос «как ты?» – часто спасает от многих неудобных ситуаций.

Окей, захожу. Может, ей поддержка не помешает? Ну там плечо мужское.

А если там толпа ее родственников? Ох бли-и-ин.

Как только оказываюсь в помещении, один из работников сразу замечает меня и перенаправляет в соседнюю комнату, где происходят то ли поминки, то ли прощание... Кто-то вещает за кафедрой. Вероники среди присутствующих нет, поэтому прохожу дальше, ловя на себе несколько любопытных взглядов. Припоминаю: она сказала, что будет в кабинете. Возвращаюсь в коридор, где приходится объяснить... хм, менеджеру, что мне нужна Вероника Михайлова, и что она меня ждет. Тот, наконец, понимающе кивает и указывает на дальнюю дверь.

Три раза стучу, тяну на себя, но кто-то меня опережает

и внезапно толкает дверь изнутри, которая распахивается, едва не прилетев мне по лбу. Навстречу вылетает незнакомый мужик, был бы повыше и посильнее – снес бы меня. В итоге мы цепляем друг друга плечами, он что-то вякает, я оглядываюсь, собираясь ответить, но вовремя вспоминаю, что за мероприятие развернулось за стенкой и, вероятно, он на нервах. Прощаю его.

Наконец захожу в просторный кабинет, в котором слева от громоздкого резного стола ручной работы и по правую сторону от нескольких гробов стоит моя Вероника. А на груди у нее бейджик. Внезапно до меня доходит смысл фраз, что она «бывший инструктор по фитнесу и питанию» и «хоронит людей». Мои брови ползут вверх. Веро в строгом черном костюме, прямые, еще более черные, чем одежда, блестящие волосы распущены по плечам, в искусственном освещении ее кожа кажется мраморно-белой. Губы, напротив, яркие, словно искусанные. Соседка выглядит... неживой. Вампириша. Жутковато.

– Ой, бл*ть, – вырывается тихое у меня. Я надеялся, что она не услышит, но девушка слышит, выражение ее лица становится испуганным, уголки губ опускаются, как у ребенка, которого жестоко и несправедливо обидели, на глаза наворачиваются слезы. В следующую секунду стойкая непоколебимая Вероника начинает рыдать. Навзрыд. Закрыв лицо ладонями. Она опускается на корточки у своего пафосно-

го стола, захлебывается, и я бросаюсь к ней. Поднимаю, обнимаю, помогаю сесть в здоровенное мягкое кожаное кресло, в котором она тонет. При необходимости в него можно усадить двух с половиной Вероник. Теперь девушка кажется еще больше похожей на героиню молодежного готического сериала.

– Веро, ты что? Я тебя опять обидел? Устроила тут ливни-водопады.

– Он, – она плачет, – он меня так же только что назвал. Прости. А потом ты зашел и назвал, и нервы сдали. Я сейчас успо-успо-коюсь, – она заикается. Ее слезы ранят, я всегда таким был, не могу выносить девчачьи рыдания.

– Как назвал? – не понимаю.

– Как ты, – плачет.

– Как я? Ты о чем вообще?

– Ну «бл*дью», – она захлебывается.

– Чего? Я тебя так не называл, это присказка вырвалась. У тебя такая задница классная, я думал, ты с гантельками приседаешь в обтягивающих шортиках, ну знаешь, в которых половина булок видна, а ты тут бледная, как смерть, будто только вылезла, – киваю на гроб у стены, – из ящика.

Она улыбается сквозь слезы. Пункт «А» – привести девушку в чувство – выполнен. Переходим к «Б».

– Мне больше нельзя с гантелями приседать, у меня колено больное. Скоро она обвиснет и не будет даже задницы, – плачет еще сильнее. Ох, ептить.

– Кто тебя назвал этим нехорошим словом? – прищуриваюсь. Заставляю ее поймать мой взгляд. Я на корточках перед ней, смотрю снизу вверх. Она сжимает губы. Меня бросает в пот, очередной отходняк не вовремя. Встряхиваю головой. – Ну?

– Да ничего, я уже поставила его на место, – она начинает вытирать глаза. – Зря ты приехал, теперь ты знаешь мой самый страшный секрет. У многих людей я ассоциируюсь с горем, теперь и у тебя буду. Егор, перестань так смотреть, все нормально. Извини за слабость, иногда случается даже у меня.

– Ага, я вижу, что нормально. Этот хрен, с которым я столкнулся в дверях, что ли, болтает не по поводу?

– Я уже послала его, ага. Такой мудака, Егор, ты даже не представляешь себе. Жену на днях закопали, а ко мне яйца подкатывает. Поцеловал, – она трет губы. – Ублюдох. Пришлось пнуть его, он психанул. Боже, ужас какой. С кем мне приходится иногда работать.

– Он тебя поцеловал, а потом обозвал? Да ладно, – поднимаюсь и иду к выходу, она кидается за мной.

– Озерский, да брось, я правда постояла за себя. Забудь. Эй! Ты что делаешь?!

Но я уже в коридоре, захожу в зал, где люди плачут и прощаются, и быстро нахожу взглядом того, кто мне нужен. Он стоит у портрета молодой женщины, глаза закрыл, будто молится. О*уеть.

Вероника появляется следом и шипит мне на ухо, чтобы успокоился. Не время и не место. Но я не человек-эмоция, склонность к необдуманным поступкам – один из немногих недостатков, которые ко мне не относятся. Все глупости я себе разрешаю сознательно, и последствия мне известны.

Вероника исчезает на пару минут, затем возвращается и накидывает мне на плечи пиджак с чужого плеча, застегивает пуговицы на груди.

– А вы с какой стороны? – подходит ко мне милая старушка.

– Он со стороны персонала, – вежливо отвечает Вероника.

– А, понятно. Жаль, я подумала, возможно... Лидин друг или... больше. Было бы подарком, – вздыхает она, поглядывая на этого убудка в нескольких метрах от нас.

– Мои соболезнования вашей утрате, – только и успеваю проговорить, она кивает, а потом крепко обнимает меня, вцепляется в плечи. Ее искреннее горе раззадоривает еще сильнее. К моей соседке минуту назад приставал не кто иной, как муж усопшей. О Господи. Вероника пытается утешить меня обратно в кабинет, но ее вовремя отвлекает менеджер по какому-то важному вопросу, что окончательно развязывает мне руки. С самого утра меня бесит абсолютно все, я курил на балконе, смотрел на пустые окна напротив и думал о том, что, возможно, Веро – единственный человек, которого я бы хотел сейчас видеть. Да, она бы меня не раздражала.

Она бы могла не выпендриваться полчаса по телефону, а позвонить первой и поделиться, что ей угрожает опасность. Вообще-то, я к ней относился как к другу, делился важным, она могла бы сделать то же самое. Хм, может, и сделала бы, если бы я хоть раз о чем-то ее спросил.

Как только этот хрен выходит на улицу покурить, я догоняю его у машины. Спрашиваю сигарету, а когда он оборачивается, ударяю по башке так, что он впечатывается мордой в крышу собственной тачки. Он сгибается, хватается за нос, что-то ошарашенно мямлит. Он пытается обороняться, но оценив ситуацию, понимает, что выгоднее бежать. Позади шаги, нас догоняет Вероника, одновременно перекрывая путь к отступлению. Девушка ахает.

– Извиняйся, – говорю.

– Перед ней, что ли? – кивает на мою соседку. – А ты вообще кто такой? – пытается оглядываться, чтобы позвать на помощь, но некого, все внутри. А со стороны улицы нас не видно.

Предпринимает попытку сопротивляться, но не зря мы с Санни еженедельно устраиваем спарринги, офисный сорокалетний хмырь с пузом для меня вообще не проблема.

– Извиняйся вежливо, иначе на коленях будешь, – выкручиваю ему руку так, что он краснеет.

И тут я поднимаю глаза на Веронику и слегка удивляюсь. Она не испугана, не возмущена. Стоит, скрестив руки на гру-

ди и властно на него смотрит. Не осуждает мои действия. Наслаждается каждой секундой. Вот теперь узнаю ее: смелая, моя любимая бесстрашная соседка.

– Я жду, Август Рихардович. И, пожалуйста, искренне. С душой, – говорит ему жестко. Я улыбаюсь и подмигиваю ей, она делает вид, что не замечает. – Вы думали, дяди нет, так за меня заступиться некому?

– Я тебя похороню, тварь, – шепчет он мне, – ты не знаешь, с кем связываешься!

– Озерский Егор Дмитриевич, паспортные данные, – диктую их вслух на память, – буду ждать с нетерпением кровавой мести. А щас извиняйся.

– Извини! – вякает он.

– Извините, Вероника Павловна, больше не повторится, – учу, как правильно. Он старательно повторяет. Оказывается, как умеет просить прощения, молодец. – Отлично.

– Прощаю, но чтобы больше такого не было! У меня в кабинете камеры, если не хотите, чтобы я передала записи в полицию и родственникам – больше не подходите даже. Оставшиеся вопросы решим по телефону.

Перед тем, как сесть в машину и уехать, он внимательно смотрит на меня, запоминает лицо. Я выдерживаю взгляд. Пусть пороет информацию, у моей семьи такие связи, что пикнуть побоится, по крайней мере, пока правящая партия не поменяется. А как только его «Ауди» отъезжает, говорю Веронике:

– Камер нет?

– Они не работают. После ремонта что-то не доделали в проводке. Надо починить.

– Надо. Я займусь. Опасное у вас тут место.

– Отказываться от помощи не стану. Если честно, я не справляюсь со всем навалившимся. Очень много работы, люди, что в моем подчинении – совсем меня не боятся. Опаздывают, вовремя не выполняют обязанности. Мне кажется, Ольга Валерьевна из бухгалтерии подворовывает, а я не могу набраться смелости и спросить у нее напрямую.

Я обнимаю ее одной рукой за плечи, чуть наваливаюсь весом, чтобы она ойкнула, пытаюсь меня удержать. Улыбается.

– Егор, тебе не стоило этого делать, он опасный человек, – говорит полупшепотом.

– Я тоже опасный, – отвечаю предельно серьезно, но она вдруг начинает смеяться, что неприятно царапает по самолюбию. Я хмурюсь, но развивать тему не хочется: – Ты до сколько работаешь?

– Мероприятие закончится – и свободна. Иногда у нас выкупают зал, когда не хотят приглашать домой, у нас есть соглашение с соседним рестораном... Где-то около трех.

– Так я посижу с тобой?

– Выглядишь неважно, – она поворачивается и гладит меня по вискам, вытирая ладошками пот. А я прикрываю глаза от удовольствия, мне не хватало вот такой незамысловатой женской ласки. Не секса, не совета. А просто нежного при-

косновения. Она хмурится: – Егор, у Ксюши всегда будет ее родной малыш, она уже не одна. Это счастье. Правда. Мне мама рассказывала, что, даже оставшись одной с младенцем на руках, она чувствовала, как внутри тепло и приятно. Откуда-то берется невероятная сила, смелость. Желание спасти своего ребенка перекрывает любые страхи. Ксюша, если она не болезная, конечно, справится ради него. А ты один. Сейчас один, и потом будешь один тонуть в собственной лжи. Если малыш твой, она с помощью него на тебе еще отыграется за эти месяцы, вот увидишь. И не говори мне, что ограничиваешься марихуаной. Дальше будет хуже.

– Так я посижу с тобой? – упорно повторяю.

– Посиди.

Обещанную табуретку она мне не предлагает, мстя за завтрак на полу кухни. Когда спрашиваю: ничего, если полежу в одном из ящичков и подремлю – нашел подходящего размера, выпучивает глаза и крутит у виска. В конце концов мне выдают подушку, и я сажусь в углу комнаты, прикрываю глаза, пока она работает за компьютером и принимает клиентов. При мне приходят двое.

Глава 7

Вероника

Егор наломал дров, подкараулив Августа на парковке и разбив ему нос, и хвалить его за это – неправильно. Но... как же не хвалить? То чувство, что я испытала, когда за меня заступились перед кошмаром моей юности – стоило многого. Если бы не железная поддержка мамы и дяди, я бы сломалась в то время, не выдержала позора. Превратилась бы в ходячее бледное чувство стыда, а потом исчезла безвозвратно. Испарилась бы я в семнадцать лет. А теперь – посмотрите на меня: сижу за компьютером, нога на ногу закинута, спина прямая, как спица. Заполняю договора на поставку, параллельно переписываюсь с одной фабрикой, которая хочет заключить с нами договор.

Вполне реальная. Настоящая. И даже, самую малость, – счастливая.

Кажется, я отомстила. Отрываюсь от монитора, смотрю перед собой, а внутри – ликую! Вибрация внутри чувствуется. Ох. Пусть мелочной и банальной физической болью, пусть с помощью Егора, но унизила Августа. До последнего не верила, что Математик не испугается, он, конечно, заливал, что они с другом в каком-то году какие-то медали полу-

чали по боям без правил, но лапшу эту я с ушей снимала так же быстро, как он вешал.

Сидит сейчас в углу кабинета с мобильным, рубится в какую-то стрелялку да поглядывает на меня периодически. Как символично: у его жены – успешный свадебный салон, у меня – похоронное бюро. Она – праздник, я – печаль. Она дарит людям лучший день в их жизни, я... провожаю с миром. Боже, я во всем ей проигрываю, затей мы вдруг соревнования. Мне даже кажется, что Саша снова стала дружить с Ксюшей потому, что я согласилась на эту работу. «Хорошо, что ты уволилась, от тебя в прямом смысле веяло смертью», – никогда не забуду ее слова, когда мы праздновали мое поступление в колледж и смену работы шесть лет назад. А теперь у Саши есть Ксюша, а у меня есть Егор. По крайней мере, сегодня вечером.

– Мадам, уже полчетвертого, – говорит он мне недовольно.

– Сейчас, еще немного осталось. Ты, кстати, можешь не ждать.

– Я знаю, что я могу не ждать, – отвечает сквозь зубы, впрочем, уходить не торопится. Зачем-то же приехал и сидит позади, затылок рассматривает, как и обещал. Волнительно. И даже подругам не расскажешь, не поделишься. Может, солгать, обозвав его другим именем? Придумать легенду, что познакомилась в метро с парнем? За эту неделю я практически попрощалась с ним. Заклеила балкон скотчем, вокруг

натянула желтые ленточки, обозначив место преступления, чтобы случайно не забыться, не выйти на свежий воздух и не столкнуться с Математиком нос к носу. Я смотрела в окно, ждала, что увижу его с другой, чтобы разозлиться. Больше всего на свете я хотела на него злиться! – Вы в выходные работаете?

– Что? – оборачиваюсь. Он уже ноги вытянул, бедняжка. – В субботу только. А зачем тебе?

– Ну так камеры нужно починить, время выбрать, когда тут никого не будет.

– А ты умеешь чинить электрику?

– Веро, мой папа актер, а я – писатель, я умею починить карандаш, наточив его точилкой. Но я знаю людей, которые это сделают для меня за деньги.

– Ты потом скажи сколько, я все отдам.

– Непременно, первым делом так и сделаю, – бурчит в ответ, а мне смешно. Ему хочется лечь и вытянуться, а не сидеть на жестком полу часы напролет. Интересно, кто его папа? Почему-то ни Саша, ни Ксюша ни разу не обмолвились на этот счет. Да и он сам заикнулся впервые. Может, я видела его по телевизору? Или на рекламном баннере?

После работы мы едем в наш район на его «Порше». Я сижу рядом на пассажирском сиденье, пока Математик ведет машину, слушаем радио. Егор рассказывает про недавнюю поездку в горы, говорит, что есть фотографии с рафтинга, и что я обязательно должна попробовать.

– Управлять лодкой, несущейся по горной каменистой речке? Заманчиво.

– Есть разные уровни сложности... – он переключается на их с Санни поездку в Карелию, где было действительно опасно. А тут – в самый раз для новичков. За увлекательной беседой я забываю вовремя предупредить, где лучше повернуть, чтобы срезать, и вот уже Егор паркуется у себя во дворе.

– Мог бы высадить меня у моего подъезда, – говорю ему настороженно.

– Ага, еще чего, буду круги нарезать, бенз тратить, – хохотнул он в ответ. Но когда я выхожу из машины, Озерский оказывается рядом, обнимает за плечи и ведет к себе. Я не возмущаюсь и даже не спорю, потому что хочу еще немного побыть с ним, а в мою квартиру нельзя, потому что – помните? – куча желтых ленточек вокруг балкона!

– Если ты будешь приставать... – начинаю строго в лифте.

– Буду вести себя исключительно пристойно, – и что-то мне подсказывает, что в этот раз Озерский не шутит. Он бледен, выглядит неважно, хочет спать. А еще расстроен.

– Знаешь, что меня потрясло, Веро? – говорит он мне, когда мы заходим в его берлогу, разуваемся. Стараясь не выдать своего любопытства, я жадно рассматриваю обстановку, пытаюсь обнаружить следы пребывания другой женщины. Но кроме стола в комнате, удобного кресла и нескольких

рубашек, развешанных по дверям – ничего нового. Замечаю пару сумок в углу коридора, такое чувство, что Егор постепенно перебирается в это жилье насовсем.

– Что же, Егор?

– Не твои слова по телефону. Все понятно, я в курсе, как выгляжу со стороны. Сюрприза не было. Рожать от меня стремно. Меня потряс поступок друга. У меня есть друг, без которого я не помню себя. Я тебе про него рассказывал, кстати. Так вот, Санни влюблен. Очень. Мы с ним вместе тусуемся уже почти двадцать лет, школу закончили одновременно. Много было, но не так, чтобы до дна, понимаешь? Без поступков, которые необратимы. А потом он влюбился и бросил все это. Мне нравилось наблюдать за ним новым, он будто рушил шаблоны, которые мне вдальбивали с детства. Своим успехом он как бы показывал – в любой момент можно остановиться. Соскочить. Начать заново и сделать все правильно. Мне тоже так хотелось, и я даже думал, что получилось. А потом выяснилось, что ничего у меня не получилось. Первой не выдержала Ксюха, потом и я. Как будто получил повод и рад вернуться к ничемному образу жизни, понимаешь? Ухватился за ее измену и сам стал ничем не лучше, оправдывая себя обидой. Последняя капля упала, когда изменил Санни. Своей любимой девушке на мальчишнике перед свадьбой. Как символично.

– Это очень грустно, – говорю я, присаживаясь на край кровати. Озерский вытягивается рядом. – Она знает?

– Нет. Не уверен, вроде бы пока нет. Я... просто устал от грязи, если честно. По этой причине я не могу от тебя отцепиться. Ты хотя бы знаешь, чего точно не хочешь. А это уже полдела. Все мои друзья – наркоманы, нет ни одного, кто бы не имел парочку постоянных любовниц. Нет вообще ничего, что следовало бы хранить. Двое сделали вазэктомию в прошлом году, потому что задолбались оплачивать аборты. Раньше мы были другими, я помню. Не знаю, почему к тридцати годам все превратилось сплошь в циников и козлов.

Что тут скажешь? Я молчала. Просто была рядом с ним и слушала. Не думаю, что Егор ждал от меня согласия или опровержения своих слов, он слишком сильно ушел в себя, пока произносил это.

Мы устроили его ноут на краю кровати, а сами валялись весь вечер на простынях и смотрели ужастики. Я тянула красное сухое из его запасов, он вливал в себя минералку. Пару раз ходил в душ освежиться. Мы не говорили об этом, но я не маленькая, понимала, что его ломает. Так вышло, что в итоге мы нашли удобную позу, когда я на боку, а он обнимает меня со спины – в ней и остались. Не гладит, просто обнимает. Иногда я чувствовала его горячее дыхание у себя на шее, щеке, за ухом – как будто он наклонялся, чтобы поцеловать, но не позволял себе наглости. От этого ощущения ток пробегал по коже, кололо кончики пальцев.

– Я писал книгу, – сказал он негромко, возвращая меня в реальность. – О другом. Не о той жизни, что веду сейчас. Но бросил, потому что переключился на пошлые сериальчики, за которые хорошо платят.

– Ты ее не доделал?

– Нет. Не уверен, нужно ли. Тогда мне казалось, что моя писанина – крайне важна и обязательно кому-то пригодится. Поможет. Там много личного, как и в каждой первой книге любого писателя.

– Дашь почитать?

– Нет, – он улыбнулся. – Иногда мне хочется к ней вернуться, но что-то останавливает. Сестра живет в Штатах, работает в одном неплохом издательстве, она читала черновики, говорит, что попробует протолкнуть рукопись, но для этого ее нужно закончить.

– Егор, ты обязан вернуться к этой книге. Ты другой, когда говоришь о ней, – на экране в темноте зомби жрали людей заживо, мы оба не отрывали взглядов от жуткой картинки. Машинально он чуть сильнее меня обнял, словно защищая от монстров по ту сторону монитора. – Таким ты мне нравишься.

– Ты мне тоже нравишься.

– Я чувствую. В смысле... мне кажется, у тебя эрекция.

– Упс.

– Сделай с этим что-нибудь, пожалуйста, мне неловко.

– Мне лень шевелиться, – он показал рукой, о чем ведет

речь: вверх-вниз кулаком. Во дурак. – Пусть будет. Не обращай внимания.

– Тогда не прижимайся так сильно.

– Сама не прижимайся, – после его слов я осознаю, что немного прогнулась в спине, прижавшись к его паху бедрами, обтянутыми прямой юбкой. Черт. Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

– Мы же переспим, когда я разведусь? – спрашивает просто и обыденно, будто обсуждаем сюжетный поворот в кино, а не мечту, которой я живу месяцами. Повернуться бы к нему, найти губами его рот и закрыть глаза. Дать сигнал к действию. Расслабиться и довериться, чтобы ласкал, любил, чтобы взял так, как хочет. Хоть как, мне вообще уже без разницы.

Я улыбнулась.

– Если я не найду себе молодого человека к тому времени – обязательно.

– Хорошо. Надеюсь, что не найдешь, – он вздыхает, а потом ложится пониже, утыкается лбом в мою спину. Через некоторое время я понимаю, что он спит. Осторожно, чтобы не потревожить, поворачиваюсь и, помедлив пару мгновений, нерешительно глажу его по лицу кончиками пальцев, очерчивая родинку под подбородком и оспинку на щеке.

Не удерживаюсь и осторожно целую в висок. Он никак не реагирует. Крепко спит. Сегодня он вкусно пахнет. Шампунем, какой-то туалетной водой и самим собой. Немного, со-

всем чуть-чуть – сигаретами. Возможно... если он и правда разведется... ну вдруг, есть же робкая надежда... я смогу заинтересовать его сильнее, чем для крошечной интрижки. Я облизала сухие губы, рассматривая его лицо. Мне хочется спать с ним, но еще больше хочется стать его любимой женщиной. Его женщиной. Просто секса с ним мне будет мало, но я пойду на это, чтобы получить хоть что-то. Потом, через несколько месяцев, если он станет свободным.

Утром я просыпаюсь от будильника на семь тридцать, потягиваюсь, понимая, что снова спала в его постели, но в этот раз мне не страшно и не противно. Все было честно, мы доверяли друг другу, в некоторые минуты даже больше, чем себе. Сажусь на кровати, потягиваюсь. Из ванной доносится звук льющейся воды – Математик снова чистит перышки. Готовится расправить крылья? За ширмой, которая разделяет комнату на два пространства, стоит стол, который Егор купил совсем недавно. На столе – включенный ноутбук, тот самый, по которому мы полночи смотрели ужастики. Я подхожу, шевелю мышью, и экран становится ярче. Ноут не успел уйти в режим ожидания, чтобы просить ввести пароль. Я вижу документ, который насчитывает более трехсот страниц, открыт на шестнадцатой главе. Чувствуя себя шпионкой, смелой Никитой, я приступаю к чтению. Глаза глотают строчки, дрожащие пальцы сцепились в замок. Мне кажется, я вступаю на запретную территорию, еще чуть-чуть – и подо

мною начнут взрываться мины.

Мне нужно это прочесть, я чувствую.

Я делаю шаг, потому что не могу отказать себе в желании узнать своего Математика – Егора Озерского – поближе. Все о нем узнать.

Часть II

Глава 8

Проходит неделя. Затем половина следующей. Итого целых десять дней спокойной жизни, включающей в себя море работы (что и плохо, и хорошо одновременно), пару поездок к маме, и абсолютно точно исключаящей ночевашки с Егором в одной постели. Хватит с нас двух раз, третий мы точно завалим, к гадалке не ходи.

С какой вообще стати двум взрослым людям в неэкстренной ситуации делить одно одеяло на двоих? Верно – ни единой отговорки «за» не существует. Подобное времяпровождение означало бы лишь то, что мы осознанно нарываемся, открыто провоцируем друг друга. И от грехопадения отделяет взгляд, вздох, неловкое или ловкое движение... а дальше уж оба в курсе, что делать. А потом он вернется к жене, как ни в чем не бывало, а я останусь один на один с не ведающей жалости ревностью, которая будет пить мою кровушку, выжмет до капельки, не дожидаясь остановки дыхания. Медленная мучительная смерть – достойная кара за запретную любовь, так ведь?

Есть, конечно, слабая надежда, что в сексе Математик никакой, тогда после процесса я бы ласково улыбнулась, потре-

пала ему челку и с радостью бы присвоила парню четвертое место из четырех в моем внушительном списке любовников, навсегда записав во френдзону. Но пока риски слишком велики, опасно пробовать.

В то утро, когда я успела прочитать две главы его запретной книги, он долго ругался по телефону с другом, по совместительству – дилером. Егор закрыл дверь на кухню, чтобы не пугать меня, но я слышала каждое слово, втягивала голову в плечи, то тарасила, то закатывала глаза в отдельные моменты. Наскоро освежилась в ванной и даже налила себе кофе из турки, пока он выяснял отношения. Не ожидала, что мой душка-филолог умеет устрашающе орать, выражаясь отборным матом. Судя по всему, впарили ему что-то не то, на что он рассчитывал, и глюки Озерский поймал нешуточные, а потом еще и отходняк доконал бедняжку. Надеюсь, послужит уроком. Взрослый мальчик, пора бы понять, что наркотики – это фу, гадость.

В комнату он влетел все еще на взводе, резко распахнул дверь и выпучил на меня, мирно сидящую за его ноутбуком, глаза. Ой.

– Что делаешь? – спросил и стиснул зубы, обозначив желваки на скулах.

– Да так, книжку твою читаю. Полуавтобиографическую.

– И как? – он скрестил руки на груди и облокотился плечом на дверной косяк.

– У тебя необычный стиль, к нему сложно привыкнуть, но вот позади тридцать страниц, и мне кажется, я потихоньку прихожу в восторг. Была бы благодарна, если бы ты налил мне еще кофе, не хочу отрываться. Если честно, безумно интересно.

Кофе мне нести никто не разбежался. Несколько шагов – и Озерский рядом, схватил меня за плечи и потянул вверх, а затем неожиданно подхватил под бедра и, захлопнув ноут, плюхнул прямо на его крышку.

– Ох! – только и успела я выдохнуть, как он оказался в нескольких сантиметрах от меня.

Мои руки сами потянулись к его лицу, пальцы пробежались по шее, зарылись в волосы.

– Тише, Егор, не злись.

– Я не на тебя же, – он свел брови вместе, но все еще выглядел взбешенным.

– Просто не злись. Ты сказал, что дилер – твой друг. Друзья не продают друг другу бодяжную наркоту, дойди до этого своим ясным, пока еще не оцепеневшим от химического яда умом, пусть с моей подачи. Черт! Вообще не продают наркоту, но к этому этапу мы перейдем в следующий раз, не все сразу, – я все гладила и гладила его по голове, стягивала влажные после душа волосы, лохматила их, упиваясь тем, что он позволяет. Когда Математик вот так гладко выбрит и трезв, будто и не он вовсе. Незнакомый мне Егор, перед которым теряюсь. А еще мне нужно было чем-то занять руки,

отвлечься, пока он в зоне моего комфорта.

– Спасибо, что побыла со мной вчера и ночью, – проговорил серьезно. Можно было жестоко высмеять его реплику, но я почему-то подумала, что не стоит.

– Спасибо, что заступился за меня перед Августом.

– Услуга за услугу?

– Типа того.

– А вот и нет, ты разрешила приехать до того, как я сломал психопату нос, – проговорил с широкой улыбкой. И я снова растаяла. Он наклонился и коснулся своим носом моего, прикрыл глаза, и мне ничего не оставалось, как проделать то же самое. Темно. В целом доме, Вселенной только он и я. И наши дыхания в тишине комнаты. Мои пальцы, наконец, оставили в покое его волосы и переместились на плечи, которые я стиснула, готовая в любой момент оттолкнуть. Выпрямить руки. Его ноги находились между моих. Его горячий ноут с важной для него книгой – под моей задницей. Меня ужасно много в его жизни, и исчезать из нее я была не намерена, по крайней мере, не сегодня.

Его губы коснулись моих в сухом коротком поцелуе.

– Я тебя хочу, – прошептал он медленно. – Сейчас. Сильно.

– А я тебя, – не осталась в долгу. Произнесла с придыханием, с дрожью. Откуда только взялось столько разврата в интонациях? Он напряг руки, напрягся сам, а я впервые в жизни испытала, что это такое – обладать властью над муж-

чиной. Крепко держать его за яйца просто тем, что все еще в трусиках. Откуда-то я точно знала, что вот сейчас, ради моего короткого «да», он готов на все. Хорошо, на многое. Ждет условий. Перечисляй любые – машину, путешествие, тряпки... говори ему, он кивнет. Исполнит. Лишь бы дали то, что хочется.

Слепо обожать взрослого мужчину – знакомый опыт, партнерские отношения – тоже были, а вот так, чтобы самой устанавливать правила игры, на которые он согласен, лишь бы играть – ново. На секунду я устыдилась того, как сильно мне понравилось чувствовать власть над ним. Ощущения пьянили. Взгляните на меня – я самая красивая, сексуальная, я его победила, а он вовсе не против. Так сильно нуждается, что взгляд темнеет, дыхание рвется.

– Нет, не просто потрахаться, а именно тебя, – он ткнул пальцем мне в грудь.

На этот раз я коротко чмокнула его в губы и чуть отстранилась, намекая, что продолжения не будет. Сердце в груди колотилось, как обезумевшее, а внизу живота и между бедер мучительно заныло. Жарко. Желание такой силы, что самостоятельно с ним не справиться.

Ты тоже об этом думаешь, Егор?

Захотелось стиснуть ноги, но куда там, Озерский не был настроен сдавать позиции. Я не лгала ему. И пусть вела себя как подлая стерва, сука, но мне не нужны были его деньги или подарки. Вообще пофиг на них. Мне нужен был его

прекрасный член и он сам, но холостой. Мое единственное крошечное условие, которое он выполнить не в состоянии.

– Терпи, – выдохнула ему в губы, прогнувшись в спине, выгодно демонстрируя то, что могло бы принадлежать ему. Если тело способно источать сексуальную энергетику, импульсы, сигналы, если все это – не пошлый бред, то поверьте, от меня исходили цунами. Провокация. Открытая. Он велся.

Я ужасна, достойная осуждения и порицания, в тот момент я делала все, чтобы довести чужого мужчину до точки кипения, вплотную подбиралась к переключателю «стоп», по которому играючи водила кончиком пальца, отлично понимая – крошечный щелчок, и Математик потеряет контроль. Егор и без того заведен утренним конфликтом по телефону, а тут еще я – не против, но установила границы, так близко, а не укусишь. И мне это понравилось. Он не мой, но в данный момент был готов на все ради меня. Не имея доступа к большему, я ухватилась за доступное и прощупывала границы дозволенного.

– Терплю, видишь же? – проговорил он, вновь меня целуя, вновь коротко.

Чмок-чмок.

Мы на краю, но держимся оба.

Друг за друга, блин, держимся.

Я не понимала, как, единожды почувствовав на себе эти руки, можно отдаться другим, как, увидев любовь в плутовских голубых глазах, можно предать доверие их владельца.

По телу пробежала дрожь от новой волны возбуждения и от презрения к его жене. И на долю секунды мне понравилось наставлять ей рога, и я снова поцеловала ее мужа. С удовольствием.

Чмок-чмок.

Он облизал губы. И мое сердце разорвалось, чтобы тут же восстановиться и ускориться.

Не стану лгать ни себе, ни вам – в то долгое утро любви в его взгляде не было ничуть, зрачки расширились от банальной похоти. Он все еще любил ее, а меня тупо хотел. Пусть сильно, пусть его пальцы уже смяли юбку на моих бедрах и касались кожи. Напряженные, настойчивые. На руках и шее проявились вены. Пусть он был готов сорваться и вкусно, горячо оттрахать меня. Пусть даже он относился ко мне хорошо – уважал, ценил, что вне всяких сомнений.

Но любил он ее. Не меня.

Чмок-чмок. Отчаянно. Сухо, быстро, но крепко.

– Ты не будешь исключением, – проговорил он раздраженно.

– Ты о чем? – я перестала его обнимать, уперла руки в стол позади себя и облокотилась на них. Его взгляд блуждал по моей белой блузке, которая грозила вот-вот расстегнуться от натяжения, по моей шее. Губам.

– Если хочешь прочитать мою рукопись, придется за это со мной спать. Подобные бонусы есть только у моей сестры.

– Что будет, когда книга выйдет в печать? Ты уверен, что твой ценник устроит книжные магазины?

Он хохотнул, а потом обнял меня, и я охотно сделала то же самое руками и ногами.

Чмок-чмок. Невинный поцелуй, от которого внутри все огненным пламенем, пальцы ног подгибаются, а сердце... а сердце выдавало с потрохами, да и мы оба не собирались скрывать эмоций. Возьмите двух людей, которые нравятся друг другу, и заприте их в небольшой квартирке. Скажите, что нельзя. А потом наблюдайте за мучениями обоих.

Неудовлетворение раздражает, но оно всяко лучше боли. А я фанатично боюсь боли, знаю ведь, каково это: знать, что он – дома. А дом его от тебя далеко. Там чужая спальня, чужая кухня, в которой стряпает для него другая женщина. Я помню, каково жилось маме. Она для меня – все, самый родной человек, как и я для нее. Праздники, поездки, походы в кино или на пикник, болезни и беды – мы всегда вдвоем. Но когда появлялся дядя Паша, она менялась. А когда он уходил – старела. Не из-за разлуки, а из-за того, что знала – скучать по ней ему там не давали.

Козел, ну зачем он приходил снова и снова? Зачем мучил ее, нас? Зачем я провожу время с еще одним таким же, с каждым днем понимая, что все сложнее держать подонка на расстоянии?

Наше общение с математиком немного изменилось. Он

продолжал дурачиться – но меньше, частенько заговаривал на серьезные темы. Пару раз заезжал в бюро позвать вместе позавтракать или, уж не знаю, похвастаться, что трезвый или не обдолбанный. Помещение у нас небольшое, все столы заняты, поэтому после недолгого разговора он шел в «Шоколадницу» за углом поработать над сценарием, который, наконец, начал «вырисовываться», как однажды заявил Егор.

Мы просто ждали, пока Ксюша родит, избегая упоминать в разговоре имя его жены.

Однажды он учил меня водить машину, но в итоге пришлось согласиться, что будет лучше подыскать проф. инструктора, у Озерского как раз есть один знакомый, у которого собственная автошкола. Не везет мне с учителями, или же я настолько безнадежная. Скоро выясним.

Несколько раз я умудрялась откосить от девичника с участием Ксюши, Полина свадьба приближалась со скоростью света, и почему-то было необходимо часто собираться и обсуждать детали. Хотя, догадываюсь, свадьба – лишь повод потрындеть о насущном.

А потом девочки заподозрили, что у меня кто-то появился. Работа работой, но не круглосуточно же! Обдумали несколько версий, сделали свои выводы и нагрянули ко мне вечером без предупреждения. К счастью, старым составом, то есть без Ксюши.

«У меня подруги твоей жены, не вздумай высунуться».

«Блин».

Саша с Василисой тщательно исследовали мою квартиру на предмет обнаружения не принадлежащих мне вещей, предпочтительно – мужских. Сигареты, крепкий алкоголь, презервативы, боксеры, в конце концов... С Полей мы цедили вино со льдом и до слез хохотали над разведывательной экспедицией, которая, не побрезговав сунуться даже в корзину с грязным бельем, за час не обнаружила ровным счетом ничего, потому что Егор у меня не бывал.

Когда подружки убедились, что искать бесполезно, они хищно уставились на мой мобильный, а увидев, с какой прытью я кинулась на телефон – подобно зверски голодной кошке на упитанную мышь – и спрятала под собой, прищурились. Ага, попалась!

– Если там нет ничего такого, почему бы не показать нам вотсапп? – спрашивает Саша, прожигая взглядом и лукаво улыбаясь. Я смеюсь, они тоже навеселе. Единственное, на что у меня хватает сил – это показать ей язык и чуток покраснеть, отчего ни у кого больше не остается сомнений.

– Я там с мамой тебя обсуждаю, кроем... – закатила глаза, – едва ли не матом.

– Ага, так я и подумала. Рассказывай, Веро. Мы уже начали думать, что ты решила стать лесбиянкой или мужененавистницей после Генки. Сколько лет прошло?

– Не так много, – пожимаю плечами, мысленно считая месяцы после разрыва.

– Получается, мы правы? У тебя кто-то появился? – радостно выкрикивает Василиса.

– Приходите на мою свадьбу! – радуется Поля. – Вдвоем. Как раз со всеми и познакомишь.

– Не думаю, что он пойдет. Мы не в тех отношениях.

– Вот как раз у вас впереди несколько недель, чтобы перейти в «те». Как думаешь, успеете? А фото покажешь? Кто он? Старше тебя?

– Немного, но не на столько значительно, чтобы акцентировать внимание. Он забавный, но у него очень много проблем. А еще он не в ужасе от моего бизнеса. Наоборот, говорит, что я делаю важное и правильное дело. Относится уважительно, в общем.

– Видимо, уж очень хочет затащить тебя в койку, – закатывается смехом Саша, девочки на нее шикают, но, уверена, мысленно поддерживают подругу. В какой-то момент меня перекроет – и мы сильно поссоримся, я выскажу все, что накопилось от их многозначительных взглядов, завуалированных намеков.

– О, смотри-ка, в квартире напротив свет зажегся, – внезапно переключается Василиса. – Ее все еще снимает Егор?

Я снова пожимаю плечами и равнодушно отвечаю:

– Давно его не видела, либо бросил курить и трахаться на стороне, либо съехал. Как, кстати, у Ксюши дела?

– Вроде бы все хорошо, не жалуется на него. Сказала, что в общем-то он хороший мужик, а крышу сорвать может у лю-

бого, у них на почве беременности возникали какие-то серьезные разногласия.

Боже, только я могла втрескаться в женатика, чья лучшая половина дружит с моими подругами. Мазохизм высшего уровня. Саша продолжает:

– Оказывается, он за ней с детства ухаживал, всегда крутился поблизости, а она не замечала своего счастья. Чудеса. Ксю рассказывала, что у них как-то все внезапно получилось – первый поцелуй, страсть, безумный секс, следом от него предложение в лоб и свадьба. Бывает же, да? Иногда, чтобы стать счастливой, не обязательно куда-то ехать, нужно просто оглядеться.

– Ксюша хвасталась, что сериал Озерского на какую-то престижную премию номинировали, в августе вручение. Правда, она не уверена, что сможет поехать, все же срок поздний, опасно лететь.

– Ясно. Ну, дай Бог, не в последний раз.

Просто прикончите меня, просто сделайте уже это.

Он с ней не спит. Давно. И не будет. Не будет больше никогда.

Говорит мне, а на деле что?

«Ну как можно быть такой дурой, девочки?» – умираю от желания разныться перед подружками, но не могу, не имею права их вмешивать. Осудят. Ни одна не поддержит. А загнობить себя я успешно смогу и без посторонней помощи.

Как это – встречаться с женатым мужчиной? Не могу вам ответить.

То, что происходило между нами с Егором, однозначно не укладывалось в стандарт подобных отношений. Во-первых, мы не спали, хотя не исключаю, что он трахался с кем-то на стороне – без понятия, замечен не был. Во-вторых, он не дарил мне подарки и вообще не делал ничего особенного, если ужин – то потому, что он голоден, прогулка означала, что ему самому хотелось пройтись. Если кино – то по его выбору.

По сути, я не делала ничего плохого, если не считать частого общения с неправильным мужчиной и ежеминутного тщательно завуалированного его соблазнения с целью доказать, что со мной ему лучше, чем с ней. Но это происходило неосознанно, как-то само собой. Ловила себя на подобном поведении под конец вечера, расстраивалась, злилась на себя, накручивая тем, что увести парня у беременной – та еще подлость и гореть мне в аду тысячу лет. Но наступал новый день, Егор что-то писал, я отвечала. Он приезжал по какому-то делу, потом скидывал сообщение: «поедим вместе?» – «ладно».

Вот и все. Никаких поцелуев, прогулок за ручку или чего-то подобного. Если бы мы взглядами не срывали друг с

друга одежду, можно было вполне решить, что дружба между мужчиной и женщиной – существует.

Сегодня он заказал гору роллов и вызвался приготовить мне коктейль.

– Есть повод?

– А как же, – заявляет весело. Егор не успел переодеться с работы, по-прежнему в брюках со стрелками, в строгой рубашке с галстуком, правда, последний развязан и висит, перекинутый через шею. Выглядит официально, но одновременно небрежно, по-домашнему. Если честно, когда он впервые приехал ко мне в бюро при полном параде, выбритый, собранный – я растерялась. Такому парню я бы вряд ли решилась вlepить пощечину. Не наговорила бы того, что осмелилась. Верните мне прежнего лохматого заросшего Егора, перед этим я тушуюсь.

– Сегодня официально объявили, что один из моих сериалов попал в номинации «Лучший сценарий» и «Лучший отечественный сериал», есть неплохие шансы на победу, – подмигивает мне, наливая в вычурной формы бокал мартини, сверху щедро выжимает лимон.

– О, классно! Только я без платья и... без подарка.

– Подарок я купил себе сам. Знакомься, это Галина, – он подводит меня за руку к террариуму, в котором ползает самая настоящая черепашка.

– Ух ты! Живая! А почему Галина?

– А чем плохо быть Галиной?

– Ничем, так маму мою зовут.

– О. Значит, есть еще одна ассоциация, – не уверена, что это комплимент, но я решаю промолчать. – С недавнего времени черепахи вдохновляют меня на творчество. Вот смотрю на нее, так и прет текст, строчка за строчкой! Так что Галка теперь на твоей совести, Веро. Если я разобьюсь на самолете или на машине, или же откинусь от передоза, ты должна будешь связаться с арендаторами и забрать ее себе, – он обнимает меня одной рукой, прижимает к себе, а я делаю глоточек. Неплохо. Думала, без сока будет слишком крепко.

– Я тебе откинусь от передоза. Только попробуй свалить настолько тупейшим образом.

Он хохочет и чмокает меня в макушку:

– Шучу. Но, знаешь... всякое может случиться, а домашнее зверье – это ответственность. Я, к счастью, не бессмертный. Даже такие везунчики, как я,дохнут.

Меня словно кипятком ошпаривает. Я дергаюсь, расплескав на себя коктейль, и испуганно отлетаю в сторону.

– Что ты сказал? – впиваюсь в него взглядом.

Он непонимающе разводит руками:

– Даже такие, как я,дохнут?.. – проговаривает вопросительно. – Ты чего, Веро?

– Нет, не так. Скажи с другой интонацией. Пожалуйста!

На его лице отражается секундное замешательство, затем понимание, а следом губы расплываются в широкую, самую

нагую, что я видела в жизни, улыбку:

– Да ну нафиг, Веро. Ты смотрела «Грешника и деву»? – приподнимает брови.

– Мать твою, конечно смотрела, Егор! – я не в силах следить за языком, эмоции прут наружу. Скрывать их – себя ненавидеть. Картинка сложилась в один миг. Сложная, измятая, как и вся моя жизнь по соседству с этим мужчиной. Как я не догадалась сразу? Боже, ну конечно же дело не в реинкарнации! Все банально: мой кумир говорит его голосом. – Да быть не может! Ты озвучивал Велиара в «Грешнике»! Это так? Скажи мне правду. Как такое могло случиться?! – я хожу кругами по комнате, заламываю пальцы, Озерский открыто забавляется, скрестив на груди руки. Рубашка выбилась из брюк, но привести себя в порядок он, судя по всему, не намерен. Вместо этого расстегивает на ней пару верхних пуговиц, закатывает рукава.

– Мой первый сериал, первая роль дубляжа. Отвратная работа. Провальная, с кучей тупейших ошибок, – чеканит слова, не сводя с меня глаз.

– Не смей! Это лучший сериал в мире!

– То-то его закрыли на середине второго сезона.

– Дебилы у них там сидят, вот и закрыли. Егор, с ума сойти можно, я эти несчастные двадцать четыре серии пересматривала раз пять. Мне жарко. Надо выпить, – и я допиваю свой коктейль. Беру со стола второй.

Почему-то Математик выглядит слегка смущенным.

– Ты же писатель... Каким образом ты озвучиваешь сериалы?

– Ну, у нас же не официальная озвучка, – пожимает плечами, и, кажется, немного стесняется. – Официально меня еще ни разу не выбрали, хотя голос есть в базе. Так, подрабатываем с друзьями. Веро, я же говорил, что мой отец – актер. Я тоже стремился к этому, отсюда спорт – в планах ведь было стать не аки кем, а русским Рэмбо, ну, знаешь, душевным героем боевика.

– А почему не стал?

– У меня нет таланта. О, не расстраивайся, это нормально. Конечно, в театральный меня взяли без собеседования, просто по фамилии, и я даже там отучился пару лет. Кое-как. Можно было продолжать биться, но мне не настолько это нравилось, чтобы мучиться. А когда я ушел, испытал облегчение. Все же я из тех, кто предпочитает оставаться за кадром. Друзья, когда создавали канал, позвали меня, и я решил попробовать.

– У тебя потрясающе получается! А какие ты еще сериалы озвучиваешь? Как называется канал?

– «ФериТэйлФилмс», можешь загуглить. С «Грешника и девы» мы тогда ничего не заработали, кроме опыта. Какое-то время я даже жалел, что в нем звучит мой голос. До сегодняшнего вечера, – он поиграл бровями.

– А вообще это прибыльное дело?

– Ну, хватает на сигареты, – подмигивает. Ни разу его та-

ким не видела – скромным, смущенным. – Иногда работаем на голом энтузиазме, когда сотни подписчиков просят сериал, а больше никто не берется и спонсора не находится. Ты чего, плачешь, что ли?

– Нет, просто, наконец, все встало на свои места. С нашего знакомства я мучаюсь, где могла услышать твой голос, он мне буквально снился ночами! Но так как «Грешника» я пересматривала в последний раз лет шесть-семь назад, то каждый раз упиралась в глухую стену. А сейчас, когда ты сказал фразу Велиара с его интонациями, меня осенило!

Мои слова ему льстят, Математик облокотился на подоконник, тянет свое пиво, поглядывая на меня.

– Дрянной сериал... – произносит как бы невзначай.

– Заткнись! – огрызаюсь. Именно огрызаюсь, на что он хохочет.

– Полный отстой, – расплывается в улыбке. – Он ужасно наивный и пошлый. Работать было – каторгой.

– Значит так, да? – я зажмуриваюсь, затем прищуриваюсь. – Забавляешься? – и после его самодовольного кивка действительно кидаюсь на парня с кулаками, он едва успевает отставить бутылку пива. Озерский смеется, приседает, закрываясь от ударов, а затем, когда ему это надоедает, нагло хватает меня за пояс, крепко обнимает, тащит несколько шагов и заваливает на кровать, придавив сверху:

– Елена, вы меня с ума сводите своей невинностью, – хрипло басит он, и я хохочу от души, громко, звонко, до слез.

– Дурак ты, Озерский. Не было там такого, и героиню звали Ингрид.

– Бл*ть, – он тоже улыбается, но как-то загадочно.

– Надо будет пересмотреть вместе.

– Не-не-не! Я терпеть не могу слушать свой голос со стороны. Когда перепроверяю работу иногда по несколько раз, аж перекашивает.

– Обязательно посмотрим, – киваю я, глядя в его блестящие глаза. Чувствуя, как его руки обнимают меня. Ничего сверх, но я зажигаюсь даже от такой простой ласки. Я вообще не хочу с ним расставаться. Разве могут где-то существовать более простые и приятные отношения?

– Сучка, – шепчет он.

– Хорошие девочки не спят с женатиками. Самая настоящая грязная сучка.

– Ты тоже не спишь.

– Пока не сплю.

Мы переворачиваемся, и я сажусь сверху на него, наши пальцы переплетаются, его ладони немного влажные.

– Поедешь со мной за наградой? Ксюша не сможет точно, никто не узнает. Тусанем.

Как ножом по горлу. Лучше бы он меня ударил, ей-Богу.

– Отпросишь меня у дяди?

Он выгибает бровь, происходит заминка. Я эротично качаю бедрами раз, второй, распускаю волосы по плечам и смотрю на него томно, из-под опущенных ресниц. Приот-

крываю рот.

– Ладно, отпрошу. Веро, когда ты рядом, черт, – одно движение, и я оказываюсь снова внизу, под ним. Опасно, знаю, но он нарушил молчаливое соглашение – упомянул жену, и я готова его уничтожить. Обвиваю ногами талию, он толкается будто в меня, и с моих губ срывается стон. Он хрипло ругается, а я смеюсь громко, истерично весело и отчего-то низко, гортанно. Словно мне не больно делить его с другой. Словно я не ненавижу себя за то, что с каждым днем привязываюсь к нему все сильнее. – Когда ты близко, мои брюки словно становятся на размер меньше. Мне больно, родная, – он целует меня в щеку. – Они ужасно тесные и узкие, словно я, как гребаный педик, набрал себе шмоток в обтяжечку, что яйца зажимают.

– Представляешь, как бы тебе было узко и тесно во мне, – шепчу на ухо, зажмурившись, и он стонет мне в шею. – И горячо. У меня тысячу лет никого не было, я как девочка. – Он делает еще толчок и замирает, тяжело дыша, пытаюсь успокоиться. Понятия не имею, о чем думает, наверное, о чем-то поистине ужасном, раз это позволяет ему погасить себя. Очень осторожно, словно боясь спугнуть, я глажу его лопатки, чуть царапая ногтями, чувствуя под пальцами влажную ткань – вспотел, хотя в квартире работает кондиционер.

– Егор, скажи мне, пожалуйста, только честно, ты ведь не спишь с женой? Ты можешь в этом поклясться? – я сжимаю губы, осознавая, что мой голос прозвучал жалобно и жалко,

в момент из уверенной безжалостной стервы я превращаюсь в скулящую жертву. Он приподнимается, смотрит мне в глаза совершенно серьезно, словно разгадал, как это для меня важно. Качает головой:

– Могу поклясться. Ты ведь сама прекрасно знаешь, я уже две недели, как съехал окончательно. Даже за вещами не заезжаю. Я бы не стал так тебя обманывать, – а потом он хмурится. – Веро, ты ведь понимаешь, что я не могу тебе ничего обещать. В плане... я не собираюсь начинать серьезные отношения, менять одно кольцо на другое. Нам с тобой клево вместе, но пока на этом все.

Он сказал «пока».

– Я не жду от тебя предложения, у меня сейчас период такой – хочется отрываться. С тобой – самое то. Замуж в ближайшие пару лет я не собираюсь точно. Но... если ты будешь фигачить на два фронта, я... не хочу конкурировать с беременной женщиной. Меня потом жизнь ударит за это, понимаешь? Сильно ударит.

– Ты не конкурируешь. С начала ее беременности мы не занимаемся сексом. Совсем. Никак вообще. Она знает, что развод – дело времени.

– Но оттягивает его изо всех сил.

– Верит, что ребенок мой, – он пожимает плечами и скачивается с меня на спину. Мне дурно. От этих тем меня тошнит. Я хочу к нему на грудь, вдыхать аромат его кожи, чувствовать тепло тела.

– Потерпи, – говорит он.

– Сам потерпи, – отвечаю, он в ответ смеется.

– Прекрасная белокожая Ингрид, твои поцелуи будят во мне зверя! – восклицает.

– Иди в задницу! – я встаю с кровати, иду проведать Галку, стучу ногтем по террариуму, случайно замечая в отражении свое лицо – пылающие щеки, рассеянный взгляд, взлохмаченные волосы. – Не было там таких банальных фразочек. Велиар прекрасен. Я мечтала, что он существует и придет однажды за мной.

Мрачно смотрю на своего Математика. Воистину бойся своих желаний. Впервые в жизни я испытала оргазм, думая перед сном о демоне из сериала и зачем-то трогая себя, не отдавая себе в этом отчета. И вот этот «демон» лежит сейчас передо мной. Явился, как я и просила, разрушать мою жизнь.

Глава 9

Мистер Математик

Привет, блог.

Вероника мне мешает. В плане... завела себе психопата-поклонника, переживай теперь. Камеры я ей починил, но она запретила налаживать трансляцию на мой сотовый. Надо работать, но то и дело скидываю ей: «норм?», она отвечает: «норм». Я пишу: «норм?», она присылает: «отстань». Я набираю «норм?», в ответ – «с прошлого «норм» ничего не изменилось». Ну, я ж писатель, оригинальность – мой конек. «норм?»

Как бы вы себя чувствовали, если бы узнали, что правы оказались индусы и реинкарнация все-таки существует, а цель вашей жизни – исправлять ошибки, что допустили в предыдущей? Как бы вы отнеслись, если бы случайно, сами того не ведая, нащупали болезненное озарение? Ваши зрочки сузились бы от ужаса, потому что разум физически не способен осознать цель мироздания, он не для этого был, блин, создан, но вам приходится.

Вам больно.

В упор пялитесь на истину, а разделить открывшееся знание не с кем. Итак, вы – избранный. С какой-то стати утром в

среду, пока чистили зубы, вы внезапно вспомнили, кем были в прошлой жизни. Вы смотрите вперед, но перед вами не ваше отражение в зеркале, а то, что случилась с вами, но до вас. Счастье, горе, поступки, которые совершали тогда, до своего рождения. Возможно, смерть. Возможно, ваша.

Этот человек, конечно же, не вы. Он другой. Полагаю, странный, моментами глупый или даже жестокий, одет и пострижен не по вашему вкусу. Он может быть не вашего пола и возраста. Не факт, что он вам нравится. Но вы платите за его просчеты. Платите, платите, платите каждым днем, каждой своей секундой. Вы плачете. Не должны, не умеете – допустим, вы консервативно воспитанный мужчина или женщина, сильная настолько, что способна нести ответственность за собственную жизнь сама, – но рыдаете навзрыд. Понимаете же, что еще платить и платить. И конца этому не будет. Кайтесь сколько угодно, всем на**ать. Пока не искупите до последней капельки, хреночки вам, а не избавление. Вы здесь, чтобы учиться, так займитесь, в конце концов, делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.